

Вера Огнева

НЕСТРАШНАЯ
СКАЗКА

Книга 2

Вера Евгеньевна Огнева

Нестрашная сказка. Книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29807729

SelfPub; 2018

Аннотация

Тяжелые времена для королевства Синего орла остались в прошлом. Жизнь потихоньку вернулось в обыденное русло. Король отправляется на поиски Тейт. Содержит нецензурную брань.

Глава 1

Две недели верхом по дикой местности кому угодно испортят настроение.

Спускаться по предгорьям пришлось целый день. Низкорослая арча так заплела тропу, что движение замедлилось до воробьиного шага. Этой дорогой давно не пользовались. В одном месте её промыл ручей. Копыта коней скользили по окатышам, оставленным весенним паводком.

Энке время от времени бубнил себе под нос. Лекс молчал: не сбиться бы с тропы, пусть бухтит. Если до темноты не выйдут на равнину, придётся которую уже ночь спать на голой земле.

В конце концов, Лекс спешился и пошёл, осторожно ведя коня в поводу. Энке забубнил громче, потом затих, потом дрожь сотрясла землю – Руст изволил сойти с коня.

Тропа оборвалась внезапно прямо из-под ног короткой ступенькой, от которой уходила уже настоящая дорога, не исключено, что и к человеческому жилью.

До самых сумерек оба погоняли, в надежде то жильё увидеть. Толстые грабы стискивали дорогу с обеих сторон. Повороты сменялись поворотами, но признаки жилья появились только, когда вечер из дымчатого сделался густо-синим.

Остановившись у ворот, Энке радостно зарокотал. Забор люди поставили из неструганных корабельных сосен – шапка свалится. Ворота вровень, просто так не перемахнёшь.

– Кого нелёгкая принесла на ночь глядя!?! – откликнулся на стук хриплый бас.

– Путники: Манус Аспер Лекс и Энке Руст.

– Это вас там сколько будет, – подумав, спросил бас.

– Двое, – отозвался Лекс.

– А наговорил-то... – бас не желал принимать их всерьёз, но и оставлять на ночь за дверями стеснялся.

Огромные ворота открылись без малейшего скрипа. За ними обнаружился человек ростом чуть ниже Энке, облачённый в полный доспех. Боевой топор порхал в его руках, как нежное крыло бабочки. Трепетал, можно сказать.

– Оружие имеете?

Добродушие сквозило в каждом слове и даже взгляде хозяина усадьбы. Он улыбался. Из чего Лекс сделал вывод – скучно человеку. Если незваные гости понравятся – накормит, напоит, спать положит. Если наоборот – отделает, никому мало не покажется. Всё – развлечение. В глуши живёт, понимать надо.

– Кто ж без оружия путешествует?

Лекс таскал свой меч в заплечных ножнах – так было удобнее. Доставать не стал, обернулся к хозяину дома спиной: одновременно и оружие показать и продемонстрировать добрые намерения. Дескать, смотрите, я вам спину не боюсь подставить. Тем более риска вообще никакого не было. Энке стоял в сторонке, в полемику не встречал, руки держал свесив. И что, что хозяина грозного баса вооружён!?

– С каких горизонтов пожаловали?

Топор, наконец-то, успокоился, прекратил нервное порывание, встав пяткой к пятке хозяина.

– Из-за Рифейских гор.

– Не простые, стало быть, гости... лады. Ты, мелкий, – это Лексу, – отбеги пока за ворота. А ты, тёмный, – это Русту – выкладывай на землю всё, что при себе имеешь.

В глубине двора замелькали тени. Человек пять в полной боевой выкладке подошли по одному и молча встали за плечами хозяина.

Энке и не подумал выполнить приказ, как стоял, так и остался наблюдать суету. Даже голову набок склонил от вящего интереса.

– Ну что, сам справишься, или ребята помогут? – поторопил бас непонятливого гостя.

– Резван, ты давно такой пуганый стал? – шагнул Энке из тени под дёрганный свет факела.

– О! О-о-о! Это ты или не ты?! – отвесил челюсть хозяин, перехватив при этом топор обеими руками.

– Я, Резван. Стою и думаю, узнаешь ты меня или нет.

– Энке! Я тебя узнал. Ребятки, идите в дом. Видите – к нам гости. Шало, выкати бочонок из погреба. Зебар, вели нагреть воды, людям с дороги надо помыться.

И вдруг взревел так, что дрогнули верхушки заструганных брёвен:

– Остальные – на кухню!!!

Одежду пришлось поменять. То есть старую выбросить за полной негодностью. Пока шли по горам, вроде и не замечали, что от штанов и курток остались одни ремки. Как голыми задницами ещё не сверкали.

Две огромные бочки с водой стояли друг напротив друга. Лекс и Энке время от времени переглядывались, нежась в горячей воде, но переглядывались больше по привычке. В этом доме им ничего не угрожало. Бочки были одинаковые. Лекс сидел по горло, Энке по пояс. Над водой бугрились блестящие от мыла мышцы. Коротко стриженную черноволосую голову он намылил, и стал похож на утёс в облаках. Лекс тоже не торопился смывать пену. Грива отросла не хуже, чем у церемониймейстерского коня. Воды бы хватило!

– Ну что, моемся, вытираемся и к столу? – лениво спросил Лекс.

– Тебе хорошо – нырнул и готово. А мне в бочке не поместиться. Разве встану на голову. Но тогда придётся оголять некие места. Боюсь, местные дамы испугаются.

– Врёшь! Вот врёшь ведь! Я знаю, чего ты боишься. Ты боишься, что местные дамы, а также девицы и старушки в очередь встанут перед твоей спальней.

– А пусть встают, – легкомысленно согласился Энке. – Но только не сегодня! Выспаться надо. Да и поесть не мешает. А потом я весь в их распоряжении. Эй, кто-нибудь! Полейте мне на голову. Мыло глаза ест.

На зов прибежал один из «ребятков», вылил на меднокожего гиганта ушат воды и помог завернуться в полотенце.

– И меня! Меня с собой возьмите! – застонал Лекс.

Его, разумеется, тоже ополоснули, завернули и повели.

– Как ты меня узнал, Энке? Когда мы с тобой виделись в последний раз, я был выбрит от пяток до макушки. А сейчас – сам посмотри.

Хозяин усадьбы Резван Пехлеван, скинув кованный нагрудник и прочее железо, остался в коротких холщёвых штанах и рубахе, сквозь прорези которой пёр чёрный курчавый волос. Непроходимые заросли бороды и завивающаяся барашком шевелюра делали его похожим на китайского дракона.

– По приказу шаха мы брились наголо два раза в неделю. Я, как младший палач, мылся три раза в день. Мой старший брат, Режан – пять. Что уже говорить о визирях и прочем диване. Они из бассейна не вылезали. Ни одна вошь не могла проскочить по телу придворного.

– По голосу узнал, – отозвался Энке. – Как тогда рычал, так и сейчас клокочешь, будто барс над трупом оленя.

У Энке Руста имелась отвратительная привычка: отдыхая, он задирал рубаху и начинал теревить себя за бока. Пальцы скребли кожу. Хрустела под ногтями редкая курчавая шерсть. Сколько Лекс ни боролся с этой бедой, ничего не получалось. Стоило Энке оказаться в непринуждённой обстановке,

новке, он тут же лез чесать живот.

В трапезную внесли зажаренного кабанчика. Блестящая корочка кое-где полопалась, к ней прикипели полупрозрачные коричневые яблоки. Рядом поставили блюдо с белоснежным рисом и овощами. Пока хозяин виртуозно, не хуже профессионального повара, разделывал кабана, Лекс непрерывно сглатывал слюну. Энке ухватил заднюю ногу и сналёту вонзил в нее зубы. Лекс принялся за переднюю. Резван от них не отставал, хоть и вечерял уже сегодня. Запивали мясо лёгким розовым вином.

На место опустевшего блюда поставили дичь. Рядом – рыбу. Лекс, в конце концов, отвалился от стола и сладко икнул в ладошку. Хозяин посмотрел на него с сомнением, кликнул «ребяток» и те принесли тарелки с сыром и виноградом. Лекс прикрыл глаза и застонал.

– Недолго, гляжу, вы в горах болтались. Не успели, как следует оголодать, – заключил Резван, выковыривая из зуба остатки трапезы. – Почему твой друг так мало ест?

– Ты на него не смотри, – отозвался Энке набитым ртом. – Просто он от еды отвык. Когда я его нашёл, вообще был скелет скелетом. За дорогу, конечно, немного потолстел, но нормального человека ещё догонять и догонять.

– Угу, угу, – покивал хозяин.

Из чего стало понятно: не больно-то верит. Следовало как можно быстрее развеять его сомнения. Резван был радушен и прост, но стоило ему заподозрить подвох – зверел.

Энке вопросительно посмотрел на товарища. Тот – тоже не дурак – сообразил: запирается, себе дороже. Выкладывать всё до донышка, однако, никто не собирался. Во-первых – долго, ночь на дворе, спать пора; во-вторых – не всему даже Резван поверит. Следовало только коротко и ясно обрисовать сегодняшние обстоятельства.

– Мы пришли с ТОЙ стороны, Резван. Выскочили на старую тропу, а ей, оказывается, давно не пользовались. Лекс хорошо знает переходы, но кто ж мог предполагать, что там всё заросло. Почти две недели плутали. Благо, дичи полно – не померли с голоду.

– И чего вам на ЭТОЙ стороне понадобилось? – спросил хозяин.

Кусочек мяса он из зуба таки выловил и теперь рассматривал вприщур.

– Мне понадобилось, Резван. Мне, – уныло покачал головой Энке.

– Старые горести или новые радости? – напряжения в голосе Резвана не убывало.

– В моей жизни одна горесть как была, так и осталась. Зато какая!

– Ты так и не избавился...? – хозяин осёкся, покосившись в сторону меланхоличного Лекса.

– При нём можно говорить всё, Резван. Он мне на сегодняшний день и отец, и мать и грозный хозяин.

– Лампа, стало быть, у него? – бывший палач расправил

плечи и как бы невзначай подвинулся на край лавки.

– У него.

– Так давай его убьём, – простодушно предложил Резван. – Меня ты знаешь давно. Я ближе тебе, чем этот хитрый гяур. Лампу я заберу. Сейчас я крикну ребяток – и рук марасть не надо. Они его...

– Прости Резван, но тогда мне придётся тебя убить.

– Так бы и сказал, что тебе этот бледный доходяга дорог, – пожал плечами Резван. – Прости, Манус Аспер, и как тебя там ещё. Энке кого попало другом не назовёт. Я правильно понял тебя, старый дэв: ты ему не раб, ты ему друг?

– Он пять лет сидел в пещерах Аджанты.

– Книжки читал?

– Угу. Искал, как мне помочь.

– Нашёл?

Взгляд Резвана сделался похожим на острый нож. Он весь подобрался. Такой секрет дорогого стоил.

Гости молчали. Энке насупился и тоже подобрался, будто перед прыжком. Длинноволосый Лекс, наоборот, расслабился и даже глаза прикрыл. В трапезной звенел комар. Или это было напряжение?

– Уважаю, – наконец выдохнул Резван.

И как бы сдулся: плечи опустились, расслабились руки; только головой качал, показывая всем видом, как восхищён.

– Пять лет в пещерах? Там же, говорят, холодно?

Можно было не отвечать. Ошибся человек, с кем не бы-

вает, а потом смирился и признал собственную неправоту. Но Манус Аспер Лекс встrepенулся, поддержать разговор – зачем обижать гостеприимного хозяина:

– Врут! Там тихо, пыльно и душно. Только мыши шуршат.

– Ты ими питался, что так отощал?! – расхохотался Резван.

– Ими тоже приходилось.

Лекс не врал. Как-то в конце зимы лавиной накрыло тропу, соединяющую дальние пещеры с внешним миром. Два месяца, пока наводили висячий мост, оставшийся в полном одиночестве книгочей три раза в день ловил мелких грызунов, варил их и ел. Мыши, кстати, быстро сообразили, что к чему. Они так наловчились прятаться, что Лекс начал примериваться к некоторым не самым ценным книгам из телячьей кожи. Гадость, конечно, а что делать? И съел бы. Но мост навели, и река жизни вошла в обычное русло.

– Так вы сюда случайно свалились или как? – осторожно поинтересовался Резван, не желая ещё больше испортить ужин.

Гости переглянулись.

* * *

Мир, или ойкумена, как всем хорошо известно, делится на сектора. Как только их ни называли: и отражениями, и тенями, и параллельными пространствами, и гранями. Послед-

нее, кстати, было ближе всего к истине. Переходы с плоскости на плоскость существовали в пространстве и времени. Приловчившись, можно было легко пересекать границы секторов – переходить разделительную кромку.

Существовало несколько граней, в пределах которых Лекс и Энке чувствовали себя достаточно свободно. И жили бы там, поживали себе спокойно, благо для того имелись все предпосылки. Могли вообще осесть и делать, что душе угодно, если бы ни одно печальное обстоятельство, уходящее корнями в такую древность, какую при добрых людях и упоминать-то неприлично – примут за пустобрёха.

Энке, собственно, был не совсем человек. Точнее – вовсе не человек. Энке был джинном. И как все джинны в молодости любил играть. Очень давно, Лекса тогда ещё и в помине не было, Энке неудачно сыграл в орлянку с одним магом. Ставкой в игре была его свобода. Хитрый маг не уточнил время, на какое джинн поступал в его полное распоряжение, а юному Энке ума не хватило спросить.

Чтобы отнять у джинна жизнь, следовало приложить титанические усилия. Да кому оно надо-то? Свобода – другое дело. Желających заставить мощную энергетическую субстанцию работать на себя, исполнять свои желания и прихоти, служить себе, всегда было предостаточно. Однако удавалось такое единицам.

Энке не повезло дважды: маг оказался не тем человеком, к кому вольный джинн хотел бы попасть в зависимость. Эн-

ке не был злым по натуре. Он тогда был вообще никаким. Маг же оказался полной сволочью. Казалось бы, под его руководством джинн должен был трансформироваться в отвратительного убийцу, лишённого даже тени гуманности. Но природное чувство справедливости, а пуще внутреннее супротивное упрямство не дали Энке скатиться в омут кровавых фантазий чёрного колдуна. Со временем порабощённый джинн даже приловчился выполнять требования мага с точностью до наоборот, либо так затягивать процесс, что вред от его вмешательства в жизнь людей оказывался минимальным. Выслушав вопли взбешенного мага, Энке обычно ссылался на неточность формулировки задания.

Маг постепенно состарился. Эликсира вечной жизни он не нашёл. Поняв, что переиграть поднаторевшего в софистике джинна он вряд ли сможет, старый колдун придумал для него изощрённое наказание, привёл его в исполнение и с чувством глубокого удовлетворения сдох.

Джинн не может слушаться своего хозяина. Другое дело, что при известной сноровке он может выполнить задание так, как сам посчитает нужным. Когда Энке было приказано забраться в изящную бронзовую лампу, ему и в голову не пришло искать подвоха. Внутри лампы плескалась безобидная на вид жидкость. Да хоть кислота пополам с расплавленным металлом! Нам ли, джиннам, обращать внимание на такие мелочи...

Только пробыв в лампе две луны, Энке начал подозревать

неладное. Но тут его выпустили. И всё бы хорошо, если бы на следующий день его с чудовищной силой не потянуло обратно к лампе. Джинн сопротивлялся, но его волю скомкало, словно рисовую бумагу. Ему требовалась хоть капелька, хоть на один вдох вожделенной субстанции.

Он пробыл в лампе час, вылетел на волю, осмотрелся и только тут осознал, какая беда с ним приключилась. Со смертью старого мага он мог стать свободным, теперь он оставался порабощённым навсегда!

Вечность – страшное слово. Энке был рабом человека, а стал рабом предмета, который не могли разрушить ни время, ни стихия – и об этом позаботился старый злодей. Раз в сутки Энке был вынужден нырять в тёмное нутро своей маленькой изящной тюрьмы, чтобы вдохнуть пары чёрного эликсира.

И ничего бы страшного, если бы ни последнее ухищрение мага: Энке не мог прикоснуться к лампе. Она переходила из рук в руки, и вместе с ней джинн.

А уж люди порезвились, так порезвились! Чем только ни занимался бывший вольный дэв. Какую только ерунду ему ни приказывали. Чаще всего он прибегал к уже испытанному средству: бесконечно уточнял задание, чем доводил хозяев до умоисступления.

Можно было привыкнуть, приспособиться, успокоиться, можно было довести искусство демагогии до полного совершенства... но надоело же!

Манус Аспер Лекс уже собирался лечь и тихо помереть, когда наткнулся на тот труп. Хотя трупом это можно было назвать с большой натяжкой. Остов. Пару костей присыпал песок. Конец рваной тряпки пошевеливало ветерком. Рядом валялась полуистлевшая сумка. Вот и всё, что осталось от бедолаги, которого нелёгкая занесла в пустыню много лет назад.

Лекс тоже сюда попал не по собственному желанию. Он вульгарно спасался. Менее всего преследователи могли искать его тут, в наугад выбранном секторе, да ещё посреди песков.

Оторваться-то он оторвался, да только местность оказалась вовсе уже дикой. В других секторах в пустынях встречались гостеприимные оазисы: тень, вода, пища. Приветливые аборигены могли, конечно, и зарезать, а могли – и нет. В общем, жить, а точнее, выжить было возможно. Здесь за горизонт убегали песчаные волны, острые, как лезвия, лучи солнца заставляли слезиться глаза, да мелькали под ногами редкие ящерицы.

Он шёл по ночам, днём отсиживаясь в тени барханов или под редкими скалами. И направление, вроде, выбрал верное, только конец и край пыльным жёлто-серым волнам никак не наступал.

К седьмым суткам Лекс начал терять силы. Он проспал под скалой целый день и пропустил момент, когда солнце вышло на его сторону. Кожа левой половины тела, особенно

шая, обгорела до пузырей. Было так больно, что он подставлял при каждом шаге, а головой повернуть вообще не мог. К тому же пришлось двигаться боком, чтобы не подставлять закату обожжённые места.

О высохшие кости он чуть не споткнулся. Света пока хватало, но закат в пустыне дело стремительное: только начало смеркаться, и уже ночь.

Лекс, скорее всего, так и прошёл бы мимо. Он в своей жизни видел много покойников, начиная от свеженького, ещё теплого, заканчивая трухой, в которую человеческая плоть превращается через века. Его заинтересовала сумка. Сквозь прореху в истлевшей ткани что-то блеснуло. Лекс подобрался поближе и пнул находку. На песок через дыру выпала старинная бронзовая лампа. Она явно пролежала тут не один год. Внутри, однако, что-то плескалось.

Лекс кинулся на лампу, как лев на антилопу. Только в перегретой голове могла возникнуть мысль, что там вода.

За сим последовал взрыв. Или скорее хлопок, вспышка, удар.

Обнаружил себя Лекс, практически сразу убедился, что не пострадал и только тогда огляделся. Шагах в десяти по ту сторону лампы на песке сидел человек.

Измождённый, покрытый ожогами светловолосый мужчина уставился на грязного гиганта в обрывках одежды, на голове которого от длительного неухода свалился чёрный колтун.

Волосы у Лекса выгорели. Кожа приобрела красновато-коричневый оттенок. Крупный нос лупился сухими ку-жирками. Губы запеклись и потрескались.

При желании Лекс мог изобразить такую улыбку, что та-яло почти любое сердце. Но круглые тёмные глаза с оттяну-тыми книзу внешними уголками смеялись редко.

Черты лица внезапного появленца отличала скульптурная точность, а фигуру – монументальность.

– Ты откуда взялся? – спросил Лекс, перхая сухим горлом.

– Оттуда! – исчерпывающе ответил визави.

– Ты кто? – вопрос прозвучал почти беспомощно. Субъ-ект по ту сторону возник из ничего, да к тому же смотрел без всякой симпатии.

– А ты кто? – черноволосый парень подался вперёд и даже издевательскую улыбочку соорудил.

– Я заблудился, – соврал Лекс, что было не вполне ложью.

– А я тут отдыхаю, – признался появленец, что тоже труд-но было назвать полной правдой.

Лекс прикрыл глаза от внезапно нахлынувшей слабос-ти. Темноту под веками прошли мелкие белые вспышки. Незнакомец производил такой электромагнитный фон, что даже сквозь кожу пробивало. Лекс подскочил от собственной догадки. Сразу о себе напомнили ожоги. Полопались пузы-ри, потекла тягучая сукровица.

– Не дёргайся, – предупредил чернявый.

– А то что? – окрылся человек.

– Свалишься тут. Возись потом с тобой.

Могучий оборванец был прав. Следовало, как можно осторожнее опуститься на песок и переждать. Но Лекс всё же дотянулся до бронзовой лампы и кинул ею в незнакомца. Субъект отшатнулся, будто его метились прибить.

– Это твоё? – потребовал Манус Аспер.

– Это теперь твоё! Понял? – грубо отпарировал появившийся.

Так и есть – джинн. Слыхали! Но неухоженный атлет по ту сторону лампы имел столь унылый и даже печальный вид, что Лекс задумался. Сидел, значит, парень чёрте сколько лет возле лампы и ждал, кто подберёт. Прежний хозяин загнулся, с собой лампу не унести, отбежать на достаточно большое расстояние тоже невозможно. Уж очень телесно выглядел джинн. Такие мгновенно перемещаться в пространстве или просто по воздуху летать не могут. Следовательно, что? Следовательно, судьба свела Лекса с совсем уже древним представителем этого вида.

– Вода где-нибудь поблизости есть? – мирно поинтересовался он у печального джинна.

– Прямо на запад – полтора месяца караванного пути – река.

Мысль заработала. Растягивать муки жажды на такое время Лекс не собирался, а потому, кряхтя и поминая все знакомые ругательства, поднялся сначала на четвереньки, потом на ноги и зашарил руками, помахивая над песком.

– Ты только сейчас сбрендил или раньше такой был? – спросил джинн.

– Я воду ищу.

– Точно – сумасшедший.

Но Лекс уже начал карабкаться на вершину соседнего бархана.

– Стой, – заорал ему в след джинн. – Лампу забери!

Можно, конечно, было поугагать грубияна. Вроде: я пошёл, а ты тут дальше отдыхай, но Лекс развернулся, съехал по песку к подножью, подхватил лампу и сунул её в свою сумку. А дальше – подъём, спуск, подъём, спуск.

Стемнело. Время от времени Лекс смотрел в небо, ориентируясь по звёздам. Оставлять основное направление не хотелось. А вода рано или поздно найдётся. С его способностями ни рамки, ни лозы не требовалось.

– Эй! Может тебя понести? – окликнули сзади.

Лекс к тому времени впал в некую разновидность транса. Ноги шли как бы сами по себе. Мозг же заволокло дымкой, в которой время от времени проплывали сладкие грёзы. Он лежал на ковре перед заваленным фруктами столом. Ему прислуживали восемь почти совсем не одетых девушек. То одна, то другая склонялась, чтобы положить ему в рот кусочек дыни или груши. Сладкий сок растекался по языку. Клонило в сон...

– А?! – Лекс обнаружил, что валяется носом в песке.

– Давай, понесу. А то ты кругами пошёл.

Они остановились на вершине бархана. Светила полная луна. По одну сторону гребня простирались равномерные неподвижные волны, по другую стояла мелкая песчаная рябь.

– Отвали! – приказал Лекс. – Сбиваешь.

– Да пошёл ты... – в ответ заорал обиженный джинн. – В кои-то веки сам предложил помощь и что получил?!

– Здесь раньше был город, – зачарованно произнёс Лекс, не обращая внимания на вопли. – Фонтаны били, девушки фрукты в садах собирали. Не сгорел. Не затопило. О! Город был разрушен землетрясением. Странно...

– Что странно? – насторожился джинн.

– Костей нет, как будто жители в одночасье покинули дома. Но такого просто не могло быть.

– Почему это?

– Потому что землетрясения невозможно предсказать. Горожан как будто предупредили.

– Я и предупредил.

– Да, ладно! – махнул рукой Лекс.

– Размахался! – возмутились из темноты. – Мне один гад приказал город разрушить. Ему, видишь ли, архитектура не нравилась. Я два дня уточнял степень разрушений, где эпицентр будем делать, пригороды под ноль или как. Дороги – опять же... потом сказал, что должен осмотреть всё на месте, пришёл к здешнему правителю и всё ему выложил. Спасибо, не дурак попался: эвакуацию провёл в рекордно короткие

сроки. Мой бывший со злости чуть не подавился. А город жалко. Красивый был.

– Как назывался?

– Не помню.

– Найдёшь место, где располагался городской колодец?

– погоди, дай сообразить... так, Медведица, ага, Алькор, гамма Ориона... сейчас. Есть! Найду.

– Ну, кто там намекал насчёт прокатить усталого путника? – развеселился человек.

– Сам иди! Я два раза свои услуги не предлагаю!

– Слушай, а через тебя звёзды видно.

Бедный джинн до такой степени оголодал, что действительно просвечивал насквозь. Энергетическая субстанция могла поддерживать автономное существование сколь угодно долго, а вот оболочка за время, проведённое в пустыне, порядком истаяла. Если быть точным, осталась одна видимость и та уже подёрнулась мелкой рябью.

– Точно? – джинн поднял руку. Сквозь бицепс нахально подмигивала мелкая звёздочка.

Несмотря на некоторые отклонения в соматике, джинн легко подхватил Лекса и через полчаса посадил на камень в самом центре холмистой равнины.

– Здесь! – грязный палец ткнул в землю под ногами.

– Копай, – приказал Лекс.

– Щаз! – откликнулся строптивый джинн. – Я тебе что, землеройка?

– Прости, я неправильно выразился, – покладисто отозвался Лекс. – Поставим задачу иначе: строй колодец.

Джинн, отступил на шаг, уткнул руки в бока и выставил вперед ногу:

– Проект, размеры, привязка к рельефу, – зачастил он по привычке, – уровень залегания воды, скорость потока, выбор материала для основной кладки, выбор материала для облицовки...

– Слушай, – смиренно попросил Лекс, – ты попить не хочешь? А помыться?

Скороговорка оборвалась, полупрозрачный шайтан встал на указанное место и вдруг взвинтил землю так, что Лексу глаза песком запорошило.

Потом они долго пили, припав к воде, как дикие звери. Потом ещё дольше мылись. Потом на глазах наливающийся телесностью джинн изловил варана, переломил ему хребет и за неимением топлива для костра съел сырым. Нежную варанью печёнку он отдал Лексу. Тот проглотил и не поморщился.

– Как бы мне узнать твое имя, уважаемый, – осторожно приступил человек, памятуя, что в иных местах на прямой вопрос можно и в лоб получить.

– Энке, – простодушно отозвался джинн.

– А прозвище? Имя рода?

Тот безнадежно махнул рукой:

– Я забыл. Было что-то такое, да кто меня спрашивал?!

Кому это было интересно? Многие хозяева лампы имени-то не знали.

– Ты меня душевно прости, только я про джиннов знаю совсем мало, – также осторожно продолжал Лекс. – Вроде есть земляные, водные, воздушные и огненные...

– Я от смешанного брака, – расхохотался Энке. – Про нас ещё и не то врут. Я про своё происхождение вообще ничего сказать не могу. Меня не было, не было, потом раз – и стал! Бегу, кричу, кувыркаюсь. Увидел камень – разнёс в пыль!

– Увидел воду – вознёс в пар, увидел огонь – рассеял в дым, увидел воздух – просто взлетел, – подхватил Лекс.

– Ты там не был, видеть меня не мог, так что не ври! – вроде как обиделся джинн. – Я только камень запомнил. Чем-то он мне помешал...

– Я буду звать тебя Энке Руст – Энке Победитель Камня.

– Пусть будет Руст, – важно кивнул джинн. – А тебя как звать?

– Манус Аспер Лекс.

– Где тут что? Где имя, где прозвище? И с какого конца короче получится?

– Это всё одно длинное имя. Для краткости можешь взять начало, конец или середину.

– Я подумаю, – важно сообщил Энке и полез чесать живот.

Колодец в пустыне – это сказка, нашёптанная горячечным воображением. Поднял голову, увидел раскалённое марево,

стряхнул песок с одежды и понял, что пора идти. А сказка останется тут. Её не унести в дырявом хурджине, её не удержать в шершавых ладонях. Либо оставайся возле колодца навечно.

Они отправились в путь на третью ночь. Вараны поняли, что обречены и дружно покинули прилегающую к колодцу территорию. Вечером Энке удалось поймать только трёх ху-досочных ящериц. Ими и поужинали.

Оставаться тут дольше не имело смысла. За Лексом могли прийти только враги, за Энке – вообще никто.

Когда багровое светило начало сплющиваться о горизонт, Манус Аспер вылез из-под камня, в тени которого спасался весь день, и скомандовал поход. Как раз перед этим произо-шёл нырок Энке в лампу. Джинн всосался в неё, свившись в прозрачный жгут, а через некоторое время таким же ма-нером вылетал обратно. Минут пять он не двигался и не от-кликнулся, бессмысленно блуждая взглядом.

– Что это с тобой было, уважаемый джинн? – спросил Лекс без всякой задней мысли.

– Ничего, – буркнул Энке и ушёл.

Вернулся он со старой сумкой в руках, перевернул тор-бу и вытряхнул содержимое. На песок полетели осколки, че-репки, какая-то труха, увесисто шмякнулся кошель, выпала книга.

– Твой хозяин был учёным? – спросил Лекс, поднимая небольшую инкунабулу, сшитую из листочков очень тонко

выделанной телячьей кожи.

– Он был вором. Всё это, включая лампу, он украл.

– Значит, прежний хозяин был учёным?

– Ростовщиком.

– А позапребный?

– Что ты ко мне привязался!?! Думаешь, если книга, так её кто-нибудь читал? Это же товар – купить, променять, украсть.

– А ты сам-то читать умеешь? – не отставал Лекс.

Его распирало. Шутка ли: получить в своё полное распоряжение джинна, пусть склочного, зато настоящего!

– Откуда ты взялся на мою голову! – заорал Энке. – Вопросы он спрашивает! Вставай, пошли, расселся!

До следующего колодца Лекс-таки доехал. Джинн хоть и не умел летать, по пустыне передвигался очень быстро. Промучившись некоторое время с новым хозяином, Энке без лишних разговоров вскинул его себе на загривок и побежал.

Замелькали барханы, в ушах засвистел ветер, тело джинна нагрелось, Лекс перестал мёрзнуть. Он только изредка корректировал направление. От скорости слезились глаза.

Разговаривать на бегу джинн категорически отказался, а когда встали на привал, сослался на усталость, холод, голод, жажду, общее недомогание и общее неудовольствие. Лексу пришлось от него отстать.

Пустыня постепенно менялась: песчаные волны превра-

тились в серые каменные россыпи. Идти стало легче. Джинн уже привычно кидал Лекса на спину и нёсся огромными стелющимися прыжками, перепрыгивая с камня на камень. Манус Аспер не возражал. Сам бы он плёлся со скоростью черепахи.

Кстати, о черепахах! Ловить легко, добывать мягкую сердцевину ещё легче – главное найти подходящий камень. Лучше бы, конечно, сварить, но чего нет, того нет, по пути им не встретилось ни деревца, ни кустика. А оставлять на солнце, чтобы дошло естественным путём, не получалось: оголодали так, что улетало сразу всё подчистую.

Они отрыли пять колодцев, прежде чем на глаза стали попадаться признаки цивилизации.

Лекс несколько раз спрашивал, как называется эта местность. Джинн коротко отвечал. Яснее не становилось.

Небо над горизонтом налилось светом. Солнечный диск ещё не всплыл, а ночная свежесть уже покидала равнину. Лекс присмотрел себе место под скалой. Джинн пробежался по кругу, встал поодаль на плоский камень, потом присел на корточки.

– По моим расчётам вот-вот должна показаться река, – рассуждал Лекс, вытряхивая тряпки, которые раньше были его костюмом. От штанов ещё кое-что осталось. От рубашки и куртки – ремки. Ими Лекс обвязывал голову на манер чалмы. Не так пекло, но изысканная тонкая ткань быстро при-

шла в негодность. Знал бы куда занесёт, напаялил бы дерюгу. – Река, говорю, должна быть рядом.

– Ну, – не то согласился, не то удивился джинн.

Энке в последнее время почти не разговаривал: обходился в основном междометиями. Путешествовали они уже без малого две луны, пора бы и присмотреться к новому хозяину, но Энке чем дальше, тем больше мрачнел. Лекс заподозрил, что просто ему не нравится.

И с чего бы? Вроде, не злой. Не дурак, уж точно. Приказами и просьбами вовсе не допекал, и вообще пребывал скорее в роли товарища по несчастью, нежели хозяина.

– А давай поговорим, – решился человек.

– Ну, – безразлично откликнулся джинн.

– Котурны гну! Выкладывай, что тебе не нравится?

Энке молча ковырял острым камешком твёрдую, как обожжённая глина, землю.

– Давай всё выясним тут. Если я тебе не подхожу, так и быть, продам лампу на первом же базаре приличному человеку. Или подарю. Могу вообще оставить на перекрёстке. Говори, что тебе не так?

– Ты чародей!

– С чего ты взял? – ненатурально удивился Лекс.

– Ты руками воду искал. Ты кости под землей видишь. Ты много знаешь. Ты говоришь на языке, который давно исчез. Тебя тут, кроме меня, никто не поймёт. Ты Александр!

Джинн выкрикнул последнее слово с отвращением. У

Лекса начало покалывать кожу, как перед грозой – во как парень разволновался!

Приходилось, однако, признать, что претензии противной стороны имели под собой некоторую почву. Но Лекс всю дорогу как раз и пытался объясниться. Не его вина, что упрямый дэв отказывался слушать.

– Почему это я Александр? – возмутился Манус Аспер, как будто это было самым главным.

– Ты на него похож!

– Да мало ли кто на кого похож? Ты вот похож на одного бандита: фас, профиль, замашки. Я же не утверждаю, будто именно ты старушку топором тюкнул. Что касается моих способностей: там, где я родился, все так могут.

– А где ты родился? – Энке растянул губы в наисладчайшей улыбочке и даже голову на сторону склонил.

К такому повороту разговора Лекс оказался не вполне готов. По дороге обдумывал какие-то варианты, но что придётся растолковывать тёмному джинну основы мироздания, не предполагал.

Да и фиг с ним! Наше дело сказать, поймёт или нет – его проблемы.

– Ты знаешь только один мир – этот. А миров на самом деле много, – начал Лекс, поудобнее устраиваясь для вдумчивого разговора.

У Энке задёргалась щека. Не исключено, он предпочтёт ещё сто лет сидеть на песке и ждать следующего хозяина,

нежели жить бок о бок с психом. Но отступить уже стало некуда.

– Выслушай! Положи камень на место, иначе пропустишь много интересного. Молодец! Мы называем эти миры секторами. Смотри, – Лекс начертил кривоватый круг и пересёк его несколькими диаметрами. – Существуют точки или проходы, по которым можно переходить из одного сектора в другой. Я как раз воспользовался таким проходом. Только никогда не знаешь точно, в какие времена тебя занесёт. С местностью более или менее ясно, с эпохой полный мрак.

Он выложил всё на одном дыхании, одновременно прикидывая, куда удирать. А ещё следовало помнить, что джинны в принципе сильнее и быстрее человека.

Точек перехода поблизости не имелось. Лекс их обычно чувствовал. Так же он чуял, стоит сворачивать на грань или за ней могут оказаться места для жизни уже вовсе непригодные. Из устья некоторых переходов так разило – будешь бежать как ошпаренный.

У Энке сделалось озадаченное лицо. Он зачем-то потыкал пальцем в рисунок, поводил носом, будто принюхиваясь, потом залез рукой под куртку и стал царапать грудь.

– Точно не Александр? – спросил он.

– Да какой Александр-то?!

– И как там живут?

– Где?

– В твоих треугольниках.

– В секторах. Нормально. Хотя, это как посмотреть. Что-то общее в истории всех миров, безусловно, прослеживается. Но, например, Зигфрид в одном секторе известен как народный герой, победитель дракона, а в другом – его удавили ещё в колыбели, и он стал символом невинной жертвы...

– Не знаю никакого Зигфрида, – сварливо оборвал Энке. – Ты не увиливай! Царь Александр у вас был?

– Македонский?

– Вроде того.

Солнце оказалось точно за спиной Энке, превратив его в плоскую фигуру мрака: мощные ноги, широкие бёдра, покатые плечи и слегка растопыренные руки, которые из-за бугристых мышц не прижать к бокам.

– Александр Македонский, он же Великий, он же Двурогий, – скороговоркой зачастил Лекс. – Его мамаша Олимпия утверждала, что зачала дитя от бога Зевса. Верили далеко не все. Муж точно не верил. За это сынок организовал ему покушение со смертельным исходом. В восемнадцать лет Александр собрал армию, покорил много стран. После его смерти империя распалась.

– А кто в его армии служил?

– Да кто ни попадя! Сейчас вспомню... костяк составляли македонцы, остальные – с бору по сосенке – присоединялись по ходу дела.

Солнце, выглянув из-за плеча Энке, ударило Лекса по глазам.

– Отступи на шаг вправо, – попросил человек. – Вправо, а не влево! Что значит, относительно кого?! Относительно себя! Мне тоже печёт. Ты же рядом со мной сидеть брезгуешь, вот и загорай.

– Женщины в его армии были? – тоном дознавателя потребовал джинн, и не подумавший подвинуться.

– А в какой армии их нет?! Маркитантки, гетеры, сестры милосердия, флейтистки, поварихи, подруги, жёны...

– Вот тут ты врёшь! Не было в армии Александра женщин. Они ж там все друг другу..., – Энке споткнулся. – Он же провозгласил междубратскую любовь. А триста спартанок встали у Фермопил и держались до прихода амазонок. Там-то Александру с его красавчиками и пришёл полный и окончательный расчёт.

– Да ты что?! – Лекс натурально покотился от хохота. – Нет, конечно, греки в те времена далеки были от идеала нравственности, но не до такой же степени. Наш Александр, кстати, в каждой завоёванной стране женился на тамошней царевне. Детей нарожал! В некоторых секторах даже род такой остался – Александриды. А в некоторых – только упоминание: родился, воевал, зарезали, помер. Слушай, а я точно на него похож?

– Один к одному, – джинн скривился, как от кислого.

– А за что, мой энергетически неуравновешенный друг, ты его так не любишь? – наконец спохватился Лекс.

– Один соратник по борьбе Александру лампу подарил.

Дальше рассказывать?

Пустыня из коричневой постепенно становилась грязно-розовой. Тени обрели чёткие границы. Под скалой ещё сохранялись остатки ночной свежести, за пределами воздух уже истаивал, знойными струйками.

Энке, наконец, покинул пьедестал, на котором промитинговал всё утро, но уселся в отдалении. Физиономия джинна оставалась пасмурной, хотя и без прежней агрессивности.

– Лампу, значит, друг подарили. И... ты, что, ублажал Александра всю компанию? – Лекс старался говорить сочувственно, а получилось наоборот.

– Я не посмотрю, что ты хозяин, – вскипел Энке. – Башку откручу! Ему лампу Лектор перед самыми Фермопилами принёс, ещё и горлышко заткнул, гад. Я в ней сутки просидел. Когда выпустили, первое время вообще ничего понять не мог. А когда дошло...

– Да колись ты. Обещаю, ни одна живая душа не узнает.

– Александр Лектора выгнал, одежды покидал, трясётся весь. Ты, говорит, будешь у меня самый любимый брат, мы, говорит, пронесём нашу любовь по всему миру.

– Я ему: как пронесём? На щите или под щитом? На транспарантах или на скрижалях? Какой размер, вес, материал, шрифт, язык? Пока, говорю, точно задачу не поставишь, не понесу любовь.

– А он?

– А он говорит... ну, это... говорит: покажи мне свою

мужскую силу.

– А ты?

– А я взял треножник и отколотил его до полного выпадения из памяти. Сказано же: ставь задачу конкретно!

– А что дальше было?

– Ну, армия на приступ перешейка собралась, а полководец лежит в полной отключке. Лектор – за лампу, она ему не даётся: подарил, не моги больше прикасаться. Я сижу над чуть живым телом, объясняюсь: выполнял приказ хозяина. Лектор на меня с кулаками: дескать, таких наклонностей раньше за Александром не водилось. Я ему – в лоб. Положил рядом. Так они сражение и продули. Когда остатки братьев-любowników удирали, про меня никто не вспомнил.

– А потом?

– А что потом... – завозился Энке в некотором смущении. – Потом пришли спартанки с амазонками.

– И ты их всех?..

– А куда было деваться, – поднял честные глаза джинн. – Правда, после они все передрались – лампу делили. Так друг дружку и перевели. А после, – громко изрёк он, предваряя следующий вопрос, – наступили в Элладе тишина и гармония аж на три века.

Лекс за дорогу в песках высох до звона в сухожилиях. Одежда пришла в полную негодность. От неё почти ничего не осталось. Мысли были только о воде и еде. Одно хорошо,

преследователи его точно потеряли.

Последние два дня пути он начал впадать в оцепенение. А джинну хоть бы что – бежал себе, поглядывая по сторонам, да время от времени ругал человеческое племя за слабость, изнеженность, зависть, подлость, жадность, трусость, тупость, жестокость...

Внезапно он ссадил Лекса в тень и уместился рядом.

Каменистая гряда стекала от вершины на ту сторону отлогим спуском. По самому верху шла череда причудливых скальных зубцов. Под таким, похожим на обломанный клык, они и залегли. Лекс поплавал некоторое время в прозрачном беспомоществе, но благодаря усилиям Энке пришёл в себя.

– Зачем ты меня тормозишь, мы пришли?

– Угу. Просыпайся.

– Что там?

– Сам посмотри, я твоими глазами работать не нанимался.

У подножья сгрудились кибитки. Там блеяли овцы, стонали верблюды, жалостливо мекали козы. Между ними сновали люди. Посёлок надвое разделяла едва различимая тропа. А дальше – извилистой блестящей лентой змеилась река.

Лекс увидел воду, рванулся к ней, но был сграбастан джинном и водворён на место, а когда пришёл в себя, Энке коротко обрисовал ему диспозицию:

– Десять домов на колёсах, стадо овец и коз, есть лошади.

– Я не заметил.

– Увели поить к реке. Людей человек сорок. Верблюды –

на продажу.

– Откуда ты знаешь? – вяло поинтересовался Лекс.

– Ухоженные, и без поклажи...

– Пойдём, а... – тоскливо попросил Лекс.

– Пойти-то мы, конечно, пойдём, да только ночью.

– Я не доживу. Сдохну тут, и достанется твоя лампа кочевникам, будешь до конца мира с ними перепираться.

– Я, конечно, долго просидел в песках, только боюсь, нравы за последние сто лет мало изменились. По сравнению с теми, внизу, даже никейский погонщик родной мамой покажется. Подумаешь, отловили бы нас работорговцы и прицепили на одну жердь. Зато в пути и еда, и вода. Охрана, опять же.

– От кого?

– Вот от этих! Это ж Духи. Племя такое. Они бродягам всегда очень радуются. Живут обособленно. Сами ни с кем не водятся, а уж с ними никто и подавно дело иметь не желает. Духи изредка выползают из центра пустыни для обмена товарами, вот как сейчас. Идут давно, провиант заканчивается, коз и овец они жалеют, до ближайшего торгового пункта ещё топтать и топтать. А тут мы с тобой. Меня сразу говорю, варить бесполезно: как сунешь, так и высунешь. А тебя мигом разделают и запекут. Или в котёл. Перед этим они ещё живое мясо отбивают. Считается, так вкуснее.

Если бы в организме оставалась хоть капля воды, Лекс бы заплакал. Река была рядом, но оставалась недостижимой.

– Ты у нас джинн или кто!?

– Джинн.

– Делай что хочешь, но донеси меня до воды!

Энке склонил голову набок, натянуто усмехнулся и уже приготовился к уточнениям, когда Лекс взмолился чуть не в крик:

– Проползём за валунами и спустимся к воде. Нас никто не увидит.

– А что так тихо, – ехидно спросил Энке. – Встал бы на гребень и проорал во всю глотку. Я, дражайший хозяин, подзреваю, что они нас уже почуяли, и, если мы с тобой проявим хоть какое-то шевеление, явятся сюда всем племенем. Ну, меня-то насовсем затоптать трудно. А ты сейчас – ни подрасться, ни убежать.

– Ты ж нёс меня по пустыне, – уныло канючил Лекс.

– Тащить тебя на закорках и одновременно отбиваться от врагов дело трудное, но выполнимое. Желательно, чтобы тебя при этом не убили. Ты мне дорог именно живым. Уж лучше такой хлопик, чем людоеды. Я с ними с ума рехнусь.

Сволочь и демагог! Демагогическая сволочь, трепло собаچه... но прав. Подходило время нырять в лампу, и останется Манус Аспер один одинёшенек против всей честной компании.

Энке завозился, будто в штаны иголка попала. Лекс вяло потянул из сумки лампу, приткнул её между камней и отполз подальше. Скручиваясь в жгут, джинн раскалялся так, что

запросто могло опалить волосы.

Поганец, который привязал джинна к лампе, кое-что умел: Энке, например, мог свободно менять форму перед нырком. Зато в обычной жизни, как ни старался, ничего не получалось. За дорогу Лекс вспомнил всё, что слышал о джиннах в разных секторах. Получалось: Энке ещё повезло – или не повезло, как посмотреть; в иных местах джинны постоянно пребывали в сосуде, выбираясь исключительно по приказу хозяина. Но и со способностями у них обстояло покруче. Проще говоря, такие джинны свободно могли менять форму, летать, просачиваться в замочную скважину и... А что Энке? Практически – обычный человек, ну, побыстрее и посильнее других, ну, может неограниченное время может обходиться без пищи и воды. Ещё и демагог!

Тело обхватило жгучим кольцом. Из глаз посыпались искры. Лекс рванулся, получил второй удар и закричал. Боль оказалась невыносимой.

А нечего задумываться в непосредственной близости от врага! Когда глаза проморгались от слёз, а тело исключительно по инерции ещё пару раз трепыхнулось, выяснилось, что Лекса захлестнули двумя длинными хлыстами, спутав при этом по рукам и ногам.

Двое мужчин начали подтягивать его к себе, не заботясь о том, что нежные бока пока ещё живой дичи скребут о камни. На лицах – деловой интерес: добыли парни кусок мяса к ужину!

Сумка оказалась примотана к телу. Лампа осталась в камнях. Лекс даже не пытался её достать. Во-первых, руки связаны. Во-вторых, безделушку у него отберут, и перейдёт драгоценный сосуд во владение следующего хозяина. Пусть уж лучше тут стоит. Авось Энке, вернувшись, сподобится вызвать Лекса из неволи. Если к тому времени останется, что вызывать.

Подтащив добычу поближе, духи ловко накинули ему на ноги петлю из тонкой верёвки, такой же обмотали грудь и руки. Хлысты они свернули и засунули за пояса. Если потащат за ноги, можно остаться вовсе без головы, – прикинул Лекс. От потрясения он начал быстрее соображать. Духи заговорили на непонятном наречии.

Слава Высшим силам, его понесли, а не потащили волоком. Может, племя уже успело отужинать? Если его оставят на завтрак, убивать точно пока не станут, ночи хоть и прохладные, всё равно подпортится.

Энке, где ты!? Я буду терпеть твое занудство, я не буду изнурять тебя работой, я буду надраивать лампу до блеска мелом каждый день. Энке, поторопись, меня уже принесли!

На ровной, усыпанной мелким камнем площадке в круг стояли кибитки. Тлел костерок. Смеркалось. За пределами круга бляло, мекало, покрикивало и всхрапывало. Шумела река. Из полукруглых домиков на колёсах выглядывали люди. Маленькие шторы раздёргивались, как в кукольном театре. Высовывались головы. Повинуясь невидимому кукло-

воду, головы поворачивались все в одну сторону.

Охотники бросили добычу возле костра. Хорошо, хоть не в самые угли. Лекс начал отползать от жара, но получил пинок под рёбра и затих. Охотники в этот момент как раз объяснялись со своим предводителем. Или вождём? Нет, на Востоке обитали эмиры, шахи, визири... султан трёх кибиток и восьми оборванцев!

Самое время иронизировать и насмехаться над варварскими обычаями, когда тебя вот-вот подадут на ужин в качестве основного блюда!

Энке, где ты, гад?!

Племя потихоньку собиралось вокруг добычи. Лексу слышалось причмокивание. Мечты о завтраке становились всё призрачнее. Когда же его начали развязывать, а из-за ближней кибитки выкатили огромный котёл, стало вовсе кисло.

Джинну на визит в лампу обычно требовалось около часа. Лекс привык измерять время средне секторальными часами – одинаковыми промежутками, коих в сутках имелось двадцать четыре. Но походи, пойми, прошёл тот час или ещё тянется, когда тебя волокут, потом бросают, потом обсуждают добавлять в бульон базилик или так сойдёт.

Люди в основном были тощими. Между их ногами тёрлась тощая собака. Тоже на что-то надеется, тварь! Воняло мочой, псиной, прелыми шкурами, навозом, лошадиным потом.

Энке мог вообще не прийти. Зачем ему Лекс? За дорогу джинн много раз сокрушался, что попал в руки недотёпы, слабака, чужака, дурака и вообще – Александра! Джинн мог спокойно отсидеться за камнями. Подумаешь! Племя Духов когда-нибудь уйдёт, а дорога останется. Энке присмотрит себе подходящий караван, выберет пристойного хозяина и сдастся.

Глава племени возвышался над остальными примерно на голову, был широк в плечах и животе. Этот уже точно не голодал. Скрипела кожей блестящая безрукавка. От запястий до локтя руки закрывали нарукавники из овчины, на ногах имелись такие же гольфы, разве шерсть на них была подлиннее и погрязнее. Вместо штанов он носил юбку до колен. Остальные рядились в обрывки накрученных как попал тряпок. Женщины лиц не закрывали. Вылезли дети и сбились в стайку у дальнего края площадки. К делам взрослых их не допускали.

А Энке всё не появлялся. Лекс, по легкомыслию, даже не спросил, может ли джинн задержаться в лампе. Хотя, что ему там делать? Нырнул, нюхнул, вынырнул. А вдруг он не сообщит, что с Лексом приключилась беда, подумает, будто тот ушёл к реке или вовсе прогуляться?

Где-то за спиной раздался женский визг. Глава племени ответил рычанием, люди, устанавливающие котёл, бросили работу. Над Лексом простёрлась мощная, чёрная от грязи длань.

– Ты эллин? – зарычал ему в лицо людоедский глава на ломаном греческом.

– Нет, – кое-как выговорил Лекс спекшимися губами

– Ты дэв?

– Нет.

– Варите! – распорядился мохноногий и пошёл прочь.

Костлявая тётка перемахнула через Лекса, закричала, за-топала ногами, но на неё не обращали внимания. В руках одного из духов появилась красиво отполированная дубинка с небольшими шипиками. В её предназначении сомневаться не приходилось.

– Я эллин!!! – заорал Лекс, собрав остатки сил. – Я эллин, римлянин и франк! Король пошлёт за мной отряд.

Главарь одним прыжком оказался рядом.

– Ты эллин?

– Да!

– Варите его медленно! Слышишь, пададь, мы будем варить тебя до утра и отрезать мелкие кусочки, чтобы попробовать, готово или нет.

Выходит, взаимоотношения с эллинами у людоедов не сложились

– За меня дадут выкуп, – попробовал последнее средство Лекс.

Главарь захохотал, будто поперхнулся. Вслед за ним покати-лась толпа. А тощая тётка между тем так и вертелась на месте – протестовала.

Лекс расслабился. Пришло время вспомнить, чему его когда-то учили. Главное – отключиться от посторонних мыслей, впустить в себя информацию и настроить поток сознания на анализ. Раз, два, три...

Сперва он начал понимать отдельные слова, потом они сложились во фразы. Не так и сложно разобраться с чужим языком, если ты знаешь их сотню или больше. Другое дело, что учили тебя давным-давно. Постепенно стала понятна суть разногласий.

Толстый дядька просто хотел плотно поужинать, а тощая злая карга требовала, чтобы Лекса завтра на утренней зорьке скормили какому-то местному божку.

Духи вообще-то шли не только товары менять. Они по дороге собирались принести жертву. На заклание с собой вели выборного кандидата. Тётка настаивала, чтобы своего поменяли на чужака: она пользовалась каким-никаким авторитетом. Кандидата в жертвы вытащили из кибитки и кинули рядом с Лексом. Стоять он не мог. Парня не кормили всю дорогу – зачем харчи переводить, чужому дяде и такой сгодится.

Темнолицая дама сверкала запавшими глазами, трясла обрывками тряпок и призывала племя в свидетели. Кроме того, она обещала всем и каждому посильную кару, если откажутся от размена. Жертва приходился ей роднёй. Точнее – внуком.

– Я найшу на вас чесотку, гноену, проказу, сап, паршу, мор и глад! А тебя, – кривой палец уперся в грудь главаря, –

я зарезу сонного и отдам собакам.

Псы, решив, что их зовут, начали прорываться сквозь толпу. Они кусали людей за ноги, толкались и влаивали. Вскоре перед костром остался толстый главарь, тётка и свора клочковатых, невероятно худых зверей.

Лекс готов был поклясться, тётка способна натравить стаю. Зато главарь мог собственноручно задушить разозлённую бабу. В племени, которое относилось к человеческой жизни с примитивной утилитарностью, убийство, скорее всего, являлось заурядным средством выяснения отношений.

Тётка орала и плевалась, соплеменники неодобрительно бурчали поодаль, собаки скалились, ожидая команды.

Главарь сдался. Тётка шикнула на собак, те начали разбегаться, поглядывая на хозяйку: вдруг передумает. Старуха подхватила с земли внука и потащила в кибитку. Главарь подошёл и пнул Лекса.

– Эл-л-льлин!

Что за сектор! Почему им всем тут греки поперёк горла? Взять того же Энке: живёт чёрт знает сколько лет, а свирепеет по-настоящему только когда вспоминает Александра. Тот, как ни крути, тоже был уроженцем Аппеннинского полуострова с прилегающими областями.

Когда обозлённый главарь ушёл, Лекс попытался сесть. Ноги связаны. Руками не шевельнуть. Повозился, упёрся пяткой в землю и посадил-таки себя спиной к костру. Про-

бегающий мимо голый худой людоедский мальчишка плюнул, но не попал.

Зря садился: голова закружилась так, что чуть не рухнул обратно, но удержался исключительно из вредности. Уконтропупившая главаря колдунья как раз проходила мимо.

– Принеси воды, – потребовал у неё Лекс.

Пучок рванины шарахнулся от него, как от чумного. Могла бы и посочувствовать, стерва! Как-никак, её внучок останется жив исключительно благодаря Лексу.

– Воды принеси! – заорал он во всю глотку. – Иначе сдохну до утра. Конец тогда твоему родственнику. Тащи воду!

С дальнего конца деревни донесся гогот главаря.

Люди разошлись. Собаки кружили за кибитками. Дисциплина в племени, надо признать, была образцовая. Сказано: в котёл – народ схватился за ложки. Сказано: отлыньте – все забились в щели.

Племя угомонилось очень быстро. Костёр догорел окончательно и только вонял. Сидеть столбом смысла не имело. К тому же пить хотелось так, что в глазах плыли зелёные круги, а сердце выдавало бешеный галоп с обмороком в финале. Лекс завалился набок и на время отключился.

В лицо ему плескала вода. Не сомневаясь, что это продолжение бреда, Лекс открыл рот и начал ловить капли. Они были тёплыми и вкусными до изнеможения. Кто-то грубо приподнял его голову и начал лить воду в рот. А это уже точно была явь! Осталось подчиниться и пить, пить, пить... пока

не полилось обратно.

– Завтра на рассвете, – проскрипел над головой шёпот старухи, – из воды выйдет Покровитель племени Духов и возьмёт тебя. Он убивает быстро. Скажи мне спасибо, Хаал бы мучил тебя долго-долго. Мучил и наслаждался. Эллины убили его мать. А брата убил он сам.

– Зачем? – спросил Лекс чисто из вежливости.

– Чтобы власть досталась ему одному. Отца он убил раньше. Мой внук приходится ему троюродным племянником. Он последний из рода Хакава. Вот Хаал и решил с ним расправиться. Завтра, когда Покровитель выйдет из воды, Хаал кинет ему тебя, а мой внук останется жить. Потому я принесла тебе воды.

– И на том спасибо, – отозвался Лекс, прикидывая, за каким именно камнем на гребне должен прятаться Энке.

Над головой кружили звёзды. Колочие трепетные огоньки плавно двигались по кругу небесной карусели. Было зябко. Внутри булькало.

Энке не появлялся. Но Лекс успел успокоиться и прикинуть свои действия на завтрашнее утро. Если его кинут в воду, он уйдёт на глубину, затаится и выждет. Он мог задерживать дыхание на час примерно, умел к тому же плавать связанным. Ничего страшного. Хуже если его захотят скормить покровителю на берегу. Ещё хуже – если по частям. Такого развития событий следовало избежать во что бы то ни стало.

У него, собственно, оставалась единственная возмож-

ность – заговорить племя. Лекс если сильно хотел, мог заболтать даже камень. Тоже когда-то научили. Лучше бы научили растягивать связки и суставы. Для этого, однако, требовались врождённые способности. А чего не имелось – того не имелось.

По склону скатился камень, потянув за собой ручеёк сыпухи... и поднял чуть не половину племени. Выскочили собаки, за ними люди, за ними дети. Тощая старуха запалила костёр и объявила, что останется стеречь пленника до утра.

Несколько злых, как демоны, мужчин ушли на гребень искать причину переполоха. Вернулись они, когда звёзды встали предрассветным парадом. Было ещё темно и прохладно, но всё вокруг покрыл серый налёт. Мужчины доложились атаману, что камень упал сам по себе и пошли досыпать. Бабка клевала носом, Лекс, однако, не обольщался. Только шевельнись, огребёшь кучу неприятностей. Следовало и самому вздремнуть часик, а там – как Великие Силы дадут.

Он проснулся как по команде, когда на западе небо сделалось из чёрного фиолетовым, а на востоке колючки звёзд увязли в розовой зоре.

– Лежи, – приказала старуха. – Я принесу отвар барраки. Выпьешь и будешь смирным.

– Мне надо поговорить с моим Покровителем. Последнее слово! У вас есть свой Покровитель. У меня – свой. Он разгневаётся, если я не объяснюсь. Отвар выпью только после этого.

– Да мало ли чего тебе ещё надо! Покровитель тут только один. Когда солнце поднимется над гребнем, он выйдет из-под земли на том берегу, перешагнёт реку и возьмёт тебя.

– У каждого свой...

– Не учи меня богам кланяться! Раньше было много покровителей. Сейчас – один на всю пустыню. Если ему понравится жертва, у племени будет хороший год. Богатые кланы приносят в жертву по пять девственниц. У нас нет ни одной. И ты сойдёшь. Дураки думают, можно откупиться овцой, но Покровитель любит человеческое мясо. При нём с нашим племенем начали считаться. Мы едим человечину, значит, ближе к Покровителю, чем остальные.

– Я пришёл из далекой страны. Мой Покровитель рассердится, если я с ним не попрощаюсь. Он может и вам навредить, коли будете препятствовать.

– Не смей меня! А впрочем, делай что хочешь, но рук я тебе не развяжу.

– На ноги встать можно?

– Погоди!

Старуха слегка распутала тонкую верёвку из сплетённых полосок кожи. Далеко не убежишь, но двигаться можно.

Подняться с первого раза не получилось. Со второго – тоже. Лекс падал, раз за разом наблюдая, как племя собирается поглазеть на его кувырки. Когда к остальным присоединился главарь, ритуал можно было начинать.

Скользкий шаг, поворот корпуса, круговое движение

связанными руками под монотонный речитатив. Шипящие звуки вырывались, как из перегретого котла. Глаза в глаза с теми, кто стоял ближе, и Лекс продолжал скользить по кругу. Первой на пути, естественно, оказалась старуха. Три ноты чередовались со свистом: вверх, вниз. Верх – тонкий, как натянутая серебряная струна, звук. Глаза бабки мгновенно помутнели, стали полусонными.

И дальше – на грани яви и сна. Примитивные племена легко водить в транс. Главное, чтобы среди них не оказалось ни одного устойчивого. Хотя, вообще-то, таких в природе не существует. Лекс использовал многокомпонентный метод. Одна из составляющих да зацепит сознание.

Через полчаса он устал до изнеможения, но и людоеды застыли монолитом, не шевелясь и не отвлекаясь.

Лекс начал отсчёт: один, два, три, четыре...

Всё! Он скользнул к ближайшему мужику в облезлой шкуре и беспрепятственно вытянул из ножен тесак. Следовало, как можно скорее перерезать путы.

Земля содрогнулась под тяжёлой поступью, когда он уже заканчивал. Топот доносился пока ещё издалека. Очумевшее племя загораживало обзор. Дрожь земли на миг прекратилась, раздался плеск. Похоже, ОНО плыло через реку к этому берегу.

Первыми закричали кони, к ним присоединилась мелкая живность, вслед заорали верблюды. Но оно шло не к скоту, оно шло к людям.

Почитатели, поклонники, адепты, служители – всё поганое людоедское племя зашевелилось, приходя в сознание.

Лекс допиливал последнюю верёвку, когда закричала тощая старуха. Она первой пришла в себя, кинулась к чужаку и, ухватив за светлые волосы, дёрнула голову назад. Лекс услышал хруст собственных позвонков, будто ломали хвост. Голову охватил жар. В глазах запыльхали холодные огни.

Накрыла паника: он не рассчитал, он не знал точного времени появления Покровителя, он не виноват, он вообще не попадал ещё в такие передрыги. Всегда в последний момент удавалось проскочить...

На этот раз не проскочил... и накатила темнота.

Но ненадолго. Всего на миг... В следующий его подхватило, подбросило, кинуло на что-то гладкое и мокрое и понесло.

Гружёный джинн с места перемахнул толпу и кинулся вверх по склону. Вслед им летели крики людей и рев зверя.

Энке впопыхах пристроил хозяина уж очень неудобно, как тот ни крутился, не мог разглядеть, что происходит.

– Не ёрзай, – зло предупредил джинн. – Брошу!

Лекс сразу поверил, присмирел и даже дышать стал реже.

Джинн перемахнул гребень, прыгнул к месту их вчерашней стоянки и сбросил Лекса.

– Быстрее!

– Что? – не понял ошарашенный хозяин.

– Лампу бери, придурок. Лампу!

В этот момент над гребнем показалась массивная голова с раззявленной пастью. Зубы из неё торчали часто и густо. Покровитель не стал выяснять у адептов, почему нарушен ритуал, а примитивно рванул за движущимся объектом, а когда весь вылез на гребень, оказалось, что он весьма напоминает прямоходящую ящерицу, только обременённую разумом. Маленькие глазки сосредоточенно выискивали добычу между камней.

Сказать, что в голове Мануса Аспера промелькнула мысль, было бы вопиющим преуменьшением: там забурлило. Слышал, видел следы, искал – нашёл! Он искал этих рептилий много лет. Нашёл!!! Правда, вот кто кого?

Лампу пришлось хватать на лету, пока Энке в очередной раз закидывал его себе на плечи. И пошло: они вниз – ящер вниз, они вверх – ящер на гребень, они в реку, ящер разве не обогнал, плюхнулся следом и даже челюстями щёлкнул в непосредственной близости от человеческих пяток.

Лучше бы, конечно, разделиться. И пусть разумная человекоядная скотина гоняется за двумя зайцами. Но, во-первых, не ясно за кем именно оно побежит. Если за Энке, есть шанс и на этот раз выйти сухим из воды. Если за ним, Лексом – гарантированный *eczitus letalis*.

Окончательно пришедшие в себя поклонники хвостатого божка начали сигать в воду, рассчитывая изловить чернявого разбойника, укравшего чужую жертву.

Когда Энке выскочил на песчаную отмель, половина племени уже преодолела стремнину, а Покровитель вообще висел на хвосте. Он резал корпусом мутные воды, подгребая короткими передними ручками.

Энке начал прыгать из стороны в сторону. Динозавр повторял все его зигзаги. Земля тряслась и металась перед глазами так, что Лекс чудом заметил вдавленный трёхпалый отпечаток лапы.

– Давай по его следам!

Энке не стал переспрашивать, и на том спасибо, повернул в сторону цепочки следов и пошёл вдоль неё огромными стелющимися прыжками. Покровитель не отставал, но и нагнать пока не мог. Людоеды остались далеко позади.

В основании ближайшего холма зияла огромная дыра. Следы вели туда.

– Прыгай за камень и не шевелись! – велел Лекс джинну.

Тот выполнил всё в точности: сделал гигантский скачок в сторону одиночной скалы и замер.

– Ложись! – скомандовал Лекс и даже рукой слегка пристукнул Энке по затылку. Тот рухнул за скалу. Лекс при этом перекувыркнулся через голову и чуть не расквасил себе нос.

Покровитель от внезапной остановки не удержался на ногах, шмякнулся на живот и поехал мордой к пещере. Хруст стоял как в камнедробилке. На земле остался пропаханный след. Энке и Лекс замерли, опасаясь дышать. Зверюга всё же была разумной.

Но тот полежал, помотал головой, поднялся на мощные лапы, помёл хвостом по земле и прыгнул в пещеру.

– Пошли за ним, – скомандовал Лекс.

– Тебя вчера по голове дубиной приложили?!

Энке остался на месте. Глаза зло поблёскивали.

Лекс вытащил лампу и кинул в сторону джинна.

– Тогда разбирайся со своим барахлом сам!

Бронзовая колба, попрыгав по камням, застряла в трещине. Энке смотрел на неё, как на гадюку, которая выползла, объявила, что сейчас укусит, но пока не стала. Лекс успел преодолеть половину расстояния до пещеры. Возвращаться непутёвый хозяин не собирался.

– Стой! – рявкнул джинн. – Лампу подбери.

– Зачем? Ящер, знаешь ли, жрёт все подряд. Проглотит твою цацку вместе со мной и не подавится.

– Подбери, говорю. Расшвырялся он!

Лекс не стал спорить, вернулся, выковырял лампу и сунул на место.

– Пошли.

– Лампу береги, – сварливо напомнил джинн.

Следы уводили в темноту. Ящер копошился далеко впереди. Там грохотало, ревело и скрежетало. Воняло тухлятиной.

Лекс осматривался.

– Помоги.

Вдвоем они отвалили от стены плоский камень, напоми-

нающий дверь. Коридор в этом месте сужался. Свод давил на голову. Они примерили камень к проёму. То вошёл без запинки, повторяя все изломы.

На этой стороне обнаружилась надпись. Энке пробежал глазами три неровно выбитые строчки, ничего не понял, но отметил, что последнее слово стёсано.

– Вот сволочи! – бормотал Лекс, доставая плоский свёрток из замши, который всегда таскал с собой. В нём оказались молоток и зубило.

– Держи камень.

– Как держать? – поинтересовался джинн. Засим должна была последовать нескончаемая череда уточняющих вопросов.

– Я тебя душевно прошу, – сквозь зубы процедил Лекс, – держи камень, иначе в лоб молотком засвечу. Все вопросы потом. Зверюга может в любой момент вернуться. Точнее, она обязательно вернётся, когда услышит стук. Держи!

Быстрые удары горохом запрыгали по пещере. В ответ задрожали стены от топота Покровителя. Камень затрясся. Лекс лупил молотком по зубилу, восстанавливая последнее слово.

А на той стороне творилось уже вовсе непонятное: рёв и скрежет, производимый динозавром, отдалились, зато прорезались человеческие голоса. Люди выли от ужаса и колотились в камень.

Энке замотал головой.

– Держи! – приказал Лекс, не отрываясь от своего занятия.

– Он их там ест, – выговорил красный от натуги джинн.

– Держи!

– Поберегись! – сказал Энке и отпустил камень. Лекс едва успел отскочить, иначе припечатало бы, как бабочку.

Через проём влетело четверо конных. Пятого невдалеке доедал ящер. Глаза у людей и лошадей были одинаковой величины. По всей пещере валялись кровавые ошмётки.

Энке рывком поставил камень на место. Лекс успел высечь слово. Оставалась точка. Он установил зубило, размахнулся молотком и чуть не получил по носу. Пещеру потрянуло до основания. Противник на той стороне пошёл в последнюю атаку. Но Лекс успел закончить – точка заняла своё место.

Каменная дверь на глазах начала вращаться в скалу. По краям проёма запузырилось. Гранит плавился, стекая холодными ручейками.

– Бежим, – скомандовал человек.

Дважды повторять не пришлось. К выходу они неслись, обгоняя друг дружку. Гора стонала и тотчас, как выскочили наружу, осела, похоронив вход. Лекс обессиленно рухнул на землю.

А у подножья в это время между тем четверо конных рубились с толпой духов. Силы явно были неравны. Тощий лохматый людоед, орудуя дубиной, изловчился и сбросил одного всадника с коня, попробовал дотянуться до следующе-

го, но получил саблей по затылку. Кудлатая голова развалилось надвое.

Верховые были одеты в тёплые кафтаны. За их спинами мелко трепетали изогнутые крылья из полосок серебра.

– Ой – ё! Эти-то тут откуда взялись?! – простонал Лекс и тяжело начал подниматься.

Энке переводил взгляд с него на странных всадников. Тех уже почти смяли.

Лекс поплёлся в сторону сражения, оступаясь на каждом шагу. Энке, обогнав его, бросил набегу:

– Лампу не потерял?

– На месте.

Джинн вломился в сражение, как кит в стаю мелких рыбёшек, замелькали руки. Пока его кололи, рубили, и лупили, конные, воспользовавшись заминкой, начали отходить. Лекс ухватил за узду оставшуюся без всадника лошадь, вскарабкался в седло и погнал вверх по пологому склону. Всадники последовали за ним. Позже к компании присоединился Энке.

– Держись за стремя! – крикнул Лекс.

– Зачем?

– Чтобы не отстать.

– Ты меня сначала догони! – огрызнулся джинн и резво запрыгал по камням.

Гора дрогнула от основания до вершины в последней конвульсии. Подземный толчок расколол землю. Между их от-

рядом и преследователями пролегла трещина.

– Ой же, панове! Ой же ж, ой!

– Не орите, пан Збышек, дикари могут услышать.

– Пан Владислав, вы разве не видели, как разверзлась земля? Она их поглотила!

– Это вам почудилось, пан Збышек. Никто из варваров даже не оступился. Побегали по краю, поголосили и ушли. Когда они маленько придут в себя, не исключено предпримут попытку обойти трещину. Как вы думаете, пан Янек, нас постараются изловить или оставят в покое?

– Спросите у пана оборванца и пана чёрта. Они тут больше меня понимают.

Коней удалось напоить. Лекс остановил победный драп у ручья. Возражений никто не имел. Лекс рухнул из седла. Энке не успел его подхватить, а скорее, не стал озабочиваться. Остановка – так остановка. Джинн устроился в стороне. Лекс растянулся в самой середине узенькой продолговатой полянки, покрытой короткой нежной травкой. Запаленные панове, сгрудившись в конце прогала, скороговоркой обменивались неслабыми впечатлениями. Поголосили недолго и занялись привычным и понятным делом – поводили и расседлали коней, которые и выпили всю воду. Людям пришлось дожидаться, пока ручеек опять соберётся с силами и зазвенит.

– Ой, панове...

– Пан Збышек, вы уже третий раз лезете на стену, – огрызнулся на завывания щуплого товарища в длинном пыльном кафтане пан Владислав. Пан Янек сидел чуть в сторонке, кося в сторону Лекса и Энке. Двое оборванцев, один из которых вовсе был не человек, доверия ясновельможному пану не внушали, зато бередили страшное любопытство. Да не с руки было шляхтичу и первой сабле околотка заговаривать с какими-то забродами. Ой, горюшко! Кто тут заброды, ещё вопрос.

Перед глазами всё плыло, а закроешь, начинало вертеться. Панове по очереди сходили к ручейку, напились, немного расслабились, но разговоры со случайными спутниками не заговаривали. Нервный тощий шляхтич непрерывно выл на луну. Второй, заметно пошире в плечах, с красивым квадратным лицом чистил рукав движением, в котором тлела паника. Обшлаг уже начал сверкать золотым позументом, а он всё тер и тёр. Широкий плотный дядька лет, на десять постарше остальных, вёл себя заметно спокойнее. Он, по всему видно, бывал в передрягах. Раньше выбирался и сейчас надеялся проскочить.

Охо-хо-нюшки! Что ж так в голове-то крутит! И этот сидит, дылда курчавая.

– Воды принеси! – скомандовал Лекс.

– В чём? – вежливо уточнил джинн. И рожа такая – стереть бы её с черепа. Однако понимаешь, слаб ты и зависим, да к тому же успел проникнуться к этому демагогу нешуточ-

ной симпатией. Пришёл же он на помощь, когда туземцы готовы были скормить тебя ,как кусок мяса, Покровителю. И дверь держал...

– Ты почему дверь отпустил? – тихо спросил Лекс.

– Люди, – отозвался Энке так же шёпотом. – Или ты их вместо себя в жертву назначил?

– Сейчас эти люди отойдут от перепуга, похватают сабли и станут нас с тобой рубить. Потому как других виновников вблизи нет.

– Они вообще кто?

– Поляки.

– А это кто?

– Народ такой. Живут на север отсюда. Сколько их есть во всех секторах: воюют. А когда не воюют – пьют, гуляют и скандалят.

– Ой же ж, панове! – громче прежнего взвыл тощий Збышек. – Кто мне скажет, где моя родина? Панове! От тот смердяк нас завёл на погибель!

Слова Лекса начинали сбываться очень уж быстро. Тощий пан вскочил – сабля наголо. Шляхтич с золотыми позументом лихорадочно шарил руками по земле в поисках оружия. Пан Янек пока не вставал.

Энке сгрёб Лекса за шиворот и понёс к воде.

– Пей.

Пан Збышек в результате налетел на пустое место и с размаху саданул саблей по зелёной травке. Пан Владислав во-

время остановился. Зато пан Янек, несмотря на тучность, сумел их обойти и оказаться между своими и чужими.

– Отзыньте, панове! Кому говорю! Саблю сломаешь, пан Збышек. Слеп? Там же нет никого. О, добре, положи оружие, руку отобьёшь. Давайте знакомиться, господа заброды. Нам с вами, думаю, есть о чём перемолвиться.

– Сейчас... – Лекс никак не мог напиться. Невнятные струйки скользили мимо рта, он хватал их губами, глотал, кашлял. – Сейчас, ясновельможные, только в себя приду.

Энке не стал дожидаться, пока хозяин не хуже той лошади подберёт всю воду, ухватил его поперёк талии и поставил на ноги.

– Позвольте представиться, панове, – поклон вышел корявым, голова кружилась, вело в сторону. – Я – Манус Аспер Лекс. А это мой товарищ – Энке Руст. Местный житель.

– Он с теми местными жителями, что нас рубили, не родня? – подозрительно уточнил пан Янек.

– Нет, – твердо ответил Лекс. – Он сирота. Но уверяю вас, сын наиболее благороднейшего отца. Не смотрите на наше платье. Мы побывали в лапах дикарей, которые утром назначили нас в жертву своему божку. Энке отважно сражался. Вдвоём мы загнали мерзкого ящера в его логово. Отсюда вопрос, ясновельможные: вас-то какая холера туда занесла?! Что вам понадобилось в переходе?

Лекс разглядывал попутчиков. Пан Збышек ничего не слышал. Ухвативши себя за виски, он раскачивался из сто-

роны сторону. Сабля валялась под ногами. Пан Владислав тоже пока не включился в продуктивный обмен мнениями. Зато пан Янек был весь внимание.

– Какой такой переход? – уточнил он, скосив глаза, которые стали похожи на два апострофа.

– Не крути, ясновельможный! Лучше поправь меня, если ошибусь. Пришёл к вам человек, как звать, не знаю. Он имена меняет чаще, чем я штаны. Пришёл и посулил указать дорогу к золоту. Что он вам показал? Тропинку в горах, подземный ход, мост? Некоторым он именно мост показывает над невидимой рекой. Для затравки цацку какую-нибудь подкинул? Вы и клюнули. Пан тот вас вызвался проводить, да исчез. Был, был рядом, и... как корова языком!?

Пан Владислав уже начал вполне осмысленно прислушиваться к разговору. Худой на голову Збышек только подвывал.

Пан Янек крикнул, расправил глазки, походил бровями, собрав над ними лоб толстыми складками.

– Откуда только ты про то знаешь? Не иначе – чалкун. А товарищ твой и вовсе чертяка.

Пан Янек, похоже, тянул время. Молодой шляхтич с надраенными обшлагами подошёл ближе и встал вровень с боевым товарищем.

– Басаврюк! – наконец выдавил пан Янек, как выругался. – У, пся крев! Збигнев! От дурак-то. Той Басаврюк к нему подкатился и слитком золота поманил. Збышек к нам прибёг.

Мы и уши развесили.

Пан Янек сокрушался громко и вполне естественно. Если бы то был пан Владислав, Лекс возможно и поверил бы, но только не этому прожжённому авантюристу. Сам каялся, а глазки задорно поблескивали. Чалкуна он не боялся ни капельки. Наоборот: не сторонние бы глаза, расцеловал бы в обе щеки. Забрёзил же ж какой-никакой просвет – возможность и тут проскочить, то есть вернуться домой. Пусть без золота. Какое золото, когда едва ноги от страхолюда унесли, товарищей потеряли, заплутали в такую даль...

– А где, позвольте спросить, пан Лекса, мы сейчас находимся? – осторожно поинтересовался пан Янек.

– На севере Аравийского полуострова, господа. Только вам от этого не легче.

– Да, занесло, – лицо у пана Янека и вовсе стало нормальным. – Слышал я, и в эти места люди хаживали. А некоторые даже возвращались.

Пан Янек затаращился в небо, стараясь высмотреть ранние звёзды. Непрост оказался шляхтич, походил по свету, ориентиры знал. Надеялся даже своими силами обойтись. А чалкун, что ж, пусть идёт своей дорогой. Станет навязываться – сильно пожалеет.

Лекс присел на корточки рядом с Энке. То, что он собирался сообщить бедовой шляхте, могло вызвать приступ натурального группового помешательства.

– Только... это совсем другая земля, пан Янек.

– Какая такая другая! Земля везде одна.

– Это когда с соседом на охоту едешь, а когда с Басаврюком за золотом, можно оказаться в совершенно иных краях.

– Растолкуй! – глазки пана Янека сделались внимательными. На лице натянулись морщины. Поверил! Ещё как поверил.

– Басаврюк умеет открывать коридоры. Он – открыватель. Только он всегда впереди себя пускает людей вроде вас: прощупать, что там и как. Он не исчез. Он отстал и шёл за вами скрытно. Увидел, как вас ящер гоняет, и смылся.

– Ага... а коридоры те, выходит, в ад ведут, – сделал смелое предположение пан Владислав и покосился на Энке.

– Могут и туда, – согласился Лекс. – Но в данном случае чуть ближе.

– Стало быть, не добежали мы до ада, – задумчиво протянул пан Янек. – Тогда, что ж, тогда ты мне скажи по совести, честно скажи: обратная дорога отсюда есть?

– Подумать надо, – Лекс внимательнее взгляделся в лицо присмирившего пана. Тоскливо тому становилось и неудобно.

– И долго ты думать будешь?

– Скажи, кто у вас король на сегодняшний день? Кто Речью Посполитой правит?

– Яромир Второй. Неужели тут не слышали?

– Яромир... да ещё Второй. Где же у нас такой народился...? Ага, так... три перехода, направление по естественным зональным векторам...

– Ты что, колдуешь? – надвинулся на Лекса пан Янек.

– Соображаю, как вас быстрее отсюда вывести.

– А взамен что возьмёшь, душу? – голос пана Владислава заискрился истерикой.

– Взамен, – веско отозвался Лекс, – вы мне все расскажите про Басаврюка: откуда пришёл, кто с ним был, как выглядел, что говорил. Дословно. До последней точки. Я этого гада давно ищу.

– А ты-то кто будешь, ясновельможный! – пан Владислав даже ножку выставил, так осмелел за плечом могучего Янека.

– Я? Я – закрыватель. Хожу по миру ищу, где двери в коридорах взломаны. И закрываю. А кроме того, ищу тех, кто взломом промышляет!

– А не получится так, пан Лекса, что заведёшь ты нас напрямиком в гости к папаше твоего чертяки? Наиблагороднейшему. Сатана он ведь как-никак – князь тьмы.

– Тогда давайте так, панове: вы сами по себе, а мы пойдём, – обозлился Лекс.

Ещё не хватало уговаривать всяких дураков, которые от жадности последний ум потеряли и за Басаврюком в переход поперлись.

– А!!! Изыди!!!

Позабытый всеми Збышек сорвался с места и с саблей в руках кинулся на Энке.

– О! – такая прыть озадачила даже джинна. Но ждать пока

тощий шляхтич добежит, замахнётся и свершит угрозу, он не стал, не вставая с корточек, скакнул за спину Збышеку, схватил его за пояс и поднял на вытянутой руке, которая даже немного удлинилась. Збышек трепыхался, орал и брызгал. Саблю он потерял.

– Ось, дурак-то! – сокрушился старшой. – Пан Чёрт, не губи парня, отпусти. Мы его сами вразумим.

– Да, пожалуйста, – безразлично откликнулся Энке и разжал руку. Пан Збышек мякнулся на травку и затих.

– Его зовут Энке, – терпеливо напомнил Лекс. – Не обесчудьте, панове, если в другой раз он обидится на непочтительное обращение. А уж что сделает, даже я не знаю. А сейчас... – Лекс заметил некоторое беспокойство в товарище, тому следовало быстрее отправляться в лампу, – мы с Энке пройдемся, разведем дорогу. Завтра утром следует пораньше выступать. Путь неблизкий.

– А не сбегут ли они? – громко спросил пан Владислав у тучного Янека.

– Зачем? – удивился старшой. – Хотя кто их, чертей... прошу прощения, ясновельможные паны, кто вас знает. Оставьте-ка свой мешок. Зачем таскаться? А мы присмотрим.

Лампа покоилась за пазухой. Там же в карманчиках пребывали молоток и зубило. С остальными вещами можно было расстаться без всякого сожаления. Но Лекс наморщился, изображая задумчивость, постоял над полупустым хурджи-

ном и, наконец, согласился.

Лампа стояла в углублении причудливо выветренного валуна. Закат отгорел, потянув за собой чёрное дырявое покрывало ночи. В детстве Лекс был уверен, что выше всегда день, солнце стоит в зените, а небо – упругая материя, наподобие той, которую дед растягивал над столом во дворе. Деду не раз предлагали поменять тент. Он отказывался. Тряпка была самотканая и жила в доме лет, наверное, сто пятьдесят. Днём сквозь дырки и дырочки в стол били солнечные лучи, ночью иногда в прореху заглядывала звезда.

Потом Лекс вырос и ему объяснили, что над головой просто чёрная бездна, а в ней сами по себе плывут одинокие огоньки – звёзды. Ещё он узнал, что звёзды живут согласно своим законам.

Бледный спиральный вихрь вылетел из лампы, раздался в стороны, стал почти невидим, но тут же и сконцентрировался в мутную, быстро наливающуюся вещественностью фигуру. Энке после возвращения некоторое время бессмысленно таранился в ночь, потом поменял позу на созерцательную и замер.

– Эй! – позвал Лекс, которому надоело ждать. – Ты весь вернулся или частично? Энке!

– Я вот думаю, – невежливо перебил его дылда, – если их страна находится далеко на севере, сколько ж нам туда добираться? О три конь..? Тебя, так и быть, я потащу. Лоша-

ди продержатся от силы месяц: или падут от бескормицы, или их отберут местные жители, или съедят хозяева. Дорога впереди, знаешь ли, не располагает к сантиментам. Значит, что? Значит, дальше придётся топтать пешочком. К следующей весне дойдём?

– А нам туда и не надо.

– Нам-то, конечно. А людям? Мы их что, бросим?

– К сожалению, бросить мы их не можем. А надо бы. Дураков учат! Да, ладно. Нам не надо в здешнюю Польшу.

– А разве из здешней Польши до их родины не ближе?

– Может оказаться даже дальше.

– Но ты же рисовал...

– погоди. – Лекс опять начертил круг и поделил его на сектора. – Знаешь, как делают кошель? Берут кусок ткани, продевают по кругу тесьму и затягивают. Так примерно обстоит и с секторами. Представь стянутый завязкой кошель. Только у него нет дна.

– Хм, одуванчик получается.

– О! Именно так дело и обстоит. Но каждая «тычинка» этого одуванчика не прямая, а весьма и весьма изогнутая. К другим «тычинкам» она примыкает разными сторонами. В общем, всё перепутано.

– Мы их так три года водить будем! – заключил Энке. – А серёдка у «цветка» есть?

– Ты меня поразил в самое сердце. Гад, который тебя на лампу посадил, был трижды гад, да к тому же и дурак. С

твоими способностями надо было науку двигать, а не в землетрясения играть. Вполне бы на сегодняшний день был прописан местным Птолемеем, Аристотелем и Геродотом в одной шкуре.

– Смеёшься? – набычился джинн.

– Ничего подобного. Помнится, когда меня посвящали в тайны мироздания, я несколько дней ум в кучку собрать не мог, всё плоские модели рисовал. Центром нашего «цветочка» является матрица. Время там линейно. Там всё линейно: вода мокрая, камень твёрдый, огонь горячий, джиннов нет, домовых нет, призраков нет. Одна голая цифирь. Закон и порядок! Зато оттуда можно попасть в любую точку любого практически сектора. Можно даже время по специальным таблицам рассчитать. Если бы наши шляхтичи возвращались домой по своему коридору, они бы вернулись с реальной временной погрешностью. Если двигаться вкруговую, ошибёшься лет на двести-триста, бывает и больше.

– погоди! Получается, если можно из матричного пространства попасть в сектор на раз, значит, и обратно можно?

– Угу, угу... попасть можно, только нас там не особо ждут. А с меня вообще голову снимут. Хотя... хотя! Будем пробовать. Пошли.

Днём во время немыслимой гонки Лекс растянул связку. Прихрамывая, он двинулся в темноту. За спиной легко ступал Энке, но скоро отстал, а потом и вовсе остановился. Лекс обернулся и застал джинна, любующемся ночным

небом. Может, и его дедушка не хотел расставаться со старым пологом, сквозь который во двор заглядывала сказка? Просто Энке забыл. Или ему помогли забыть.

Шляхтичи сидели у мизерного костерка. Збышек больше не рвался рубить и крушить, только нервно вертел головой, высматривая ночные напасти. Владислав, не отрываясь, смотрел в огонь. Старый Янек пребывал начеку.

– Ложитесь спать, панове, – распорядился Лекс. – Завтра рано поутру выступаем.

– Нехорошо кудакать в дорогу, да как не спросить, – ушлый пан немного расслабился, однако, недоверие прям-таки текло из него, как простокваша из дырявого бурдюка. – Куда направляемся?

– Искать ваш дом. Не обессудьте, господа хорошие, если дорожка вам покажется странной. Только очень прошу, душевно, можно сказать, более того – требую: слушать меня даже не с полуслова, с полувзгляда. Мысли ловить. А сейчас отбой. Энке, остаёшься в дозоре. Остальным – на боковую.

За день с этими людьми случилось всё, что только могло случиться, начиная со сладких мечтаний о золоте и заканчивая мирной беседой с чёртом у того же чёрта на куличках. А уснули не прошло и полчаса. Последовала команда: спать – свалились вповалку, даже костерка не затушив.

Лекс привёл коней, вручил повод Энке, сам встал так, чтобы являться вершиной воображаемого треугольника, сосредоточился, и...

* * *

Махатма Казимир орал так, что жалко звенели стекла в окне. До ручки Лекса не допустили, как вошёл, велели стоять на пороге.

И началось:

– Ты безответственный щенок, ты лоботряс, ты позор своих учителей, недоучка, бездельник...

Брызги летели через всю комнату. Опустив очи долу, Лекс гадал, достанет или нет. Если достанет, его разжалуют. Если реквизитору не хватит злости заплевать его сапоги – обойдётся.

– По какому праву и для какой такой крайней надобности ты привёл сюда случайных людей?! Зачем ты притащил с собой существо, которому тут попросту не место? Ну и что, что они поляки?! Или ты думал, что я умилюсь и пролью над придурками, которые лезут в переходы за золотом, скупую слезу? Как ты посмел?! Ты обязан был оставить их там! Ты лоботряс, ты недоросль...

За спиной реквизитора открылась низенькая дверца, и в комнату приёмов вошел щуплый носатый старичок в накинутой на плечи шали. Было тепло, но он кутался, время от времени шмыгая носом.

Он легко мог раз и навсегда избавиться от хворей, но отказался, заявив, что предпочитает оставаться человеком. Разу-

чись страдать и быстро превратишься в бездушную тварь... хотя и высшего порядка.

– Кричите-кричите, аж на улице слышно. Скоро под окнами люди соберутся. Махатма Казимир, стоит ли так расстраиваться? Молодой человек, вы опять нарушали?

– Махатма Мита, я не могу спокойно смотреть на это безобразие. Манус Аспер Лекс уже не в первый раз плюёт на инструкции. Мы все подчиняемся жесточайшим требованиям, а он...

Махатма Мита поднял сухую ладошку, и поток излияний реквизитора прервался.

– Я поговорил с людьми, – мягко начал старичок, кивая в такт словам лёгкой сухонькой головой. – Они, конечно, перепуганы. Для обычного человека, по меньшей мере, странно уснуть в одном месте, а проснуться совершенно в другом. Они подавлены. Но, тем ни менее, они рассказали много интересного. Махатма Казимир, давайте не будем рубить с плеча. Мне кажется, Манус Аспер не по недомыслию привёл сюда отряд.

– Я преклоняюсь перед вашей добротой, махатма Мита. Но если спускать подобные проступки, любому порядку очень скоро придёт конец, – упёрся махатма Казимир.

– Лекс, ты разве не объяснил своему реквизитору, для чего совершил переход с обременением?

– Я не успел.

– Лекс принёс нам интересные новости, – загадочно улыб-

нулся махатма Мита. – Как вы думаете, кто объявился в секторе F12759?

– Манус Аспер взял моду своевольничать, оправдываясь соображениями высшего смысла. Могу я узнать, от кого он спасал мир в этот раз?

– Конечно, конечно, Казимеж. В указанном секторе объявился Басаврюк.

Махатма Мита постучал по воздуху ладошкой, под которой тут же образовался уютный стульчик. Старик устроился на нём, достал из кармана чётки и начал привычно перебирать нефритовые бусины. Лекс мимоходом отметил, что ни одна капелька слюны так и не долетела до его сапога.

Лицо махатмы Казимира исказилось до такой степени, что не знай его Манус Аспер много лет, не узнал бы вовсе: лоб и щёки покрыла пепельная бледность, нос заострился, губы вытянулись в цианотичную нитку.

Реквизитор Казимир Вишневецкий, теперь и давно уже – махатма Казимир, большую часть своей жизни провёл в свободном поиске. На сегодняшний день он отправлял в него своих учеников, принимал их, инспектировал, учил, продвигал, ругал, наказывал, изредка даже отчислял. Но сам в поиск ходить уже не мог. Виной тому был Басаврюк или Локис или... у него было много имён. Их затянувшийся во времени поединок кончился поражением Казимира. Жив тот остался вообще по чистой случайности. Жутко искалеченного его удалось вывести из боя. Физическую форму ему вернули, а

вот способность перемещаться по секторам он утратил. С этим не смог справиться даже махатма Мита. Или Матрейя Мита – кому как больше нравится.

– Ты его видел? – глухо спросил реквизитор стенку за спиной Лекса.

– Нет. Но он рыскал где-то рядом. Он взломал коридор в запретный сектор. Судя по всему, проход держался не менее пятидесяти стандартных лет. Хуже то, что Басаврюк создал связку из двух коридоров – практически объединил три сектора.

– Из чего это видно?

– В сектор W35217 долгое время наведывалась разумная рептилия. Там даже успел сформироваться своеобразный культ. Аборигены предназначили меня в жертву ящери. Секторов, где обитали бы такие твари – по пальцам пересчитать. Все они закрыты давно и накрепко. Но я сам лично видел взломанное клеймо. Я его восстановил. Пять сакральных клейм проходят ещё на первом курсе. В течение всего обучения их могут спросить в любой момент. Их не забудешь, даже если забудешь собственное имя.

– Клеймо стёрли полностью?

– Нет. Только последнее слово. Когда я начал восстанавливать буквы, в коридоре появились люди, которые там ну никак не могли оказаться случайно. Они и рассказали потом про Басаврюка. Я их привёл сюда. Сканирование...

– Это понятно, – оборвал махатма Казимир. – Мой старый

знакомец очень любит менять облики. Какое-таки счастье, что ему не отпущено природой достаточно сил. Трансформировался бы каждый день, а так раз в сто лет. У нас сегодня же будет его портрет. Ты лоботряс, Лекс, ты бездельник, ты авантюрист, но ты мой самый талантливый ученик.

Здесь воздух всегда был белес и свеж. Солнца же никто не видел. Оно только угадывалось. Ночь наступала мгновенно, и мгновенно рождался день.

В плотной дымке скользили и таяли фигуры. Кто-то позвал Ирку. Ирка, откликнулся высоким мальчишеским голосом. Ученики соединились в одно размытое волнующееся пятно и канули.

Лекс заметил очертания скамьи, потрогал сухой и тёплый камень. Далеко внизу, в невидимости, шелестела река с белой, как молоко водой.

– Спрячься! – голос у матери срывался на беззвучный крик. Дверь сотрясали удары. С той стороны били тараном. Отец достал оружие.

– Уведи ребёнка.

– Я останусь с тобой.

– Сначала уведи его.

Мать схватила упирающегося сына за руку и потащила в спальню.

– Лезь под кровать. В дальней стене есть ниша. Заберись

в неё. Тебя не заметят.

– А вы? А ты, а папа?

– Я люблю тебя, мой маленький. Прости, что иногда наказывала тебя.

– Мама, почему ты со мной прощаешься?

– Заберись в нишу и не выходи, пока они отсюда не уйдут.

– Кто они?

– Нумериты. Спрячься, я тебя прошу.

Мать выбежала из спальни. Мальчик услышал, как выломали дверь. Дом заполнили чужие страшные звуки: крики, грохот, рёв, визг. Дверь в спальню скоро тоже сломали. На кровать бросили тело. Кровать начала сотрясаться. Нападающие рычали и что-то требовали. Мальчик вдруг понял, что это мать, а требуют выдать его – сына. С ней делали что-то нехорошее, что-то очень страшное. А потом он почувствовал, что матери больше нет. Даже не по разочарованному рёву врагов, по тому, что не стало её присутствия. Отца не было уже давно.

И тогда мальчик начал вжиматься в стену. Он не хотел больше жить. Он хотел уйти вслед за ними.

Стена сначала была твёрдой, потом стала мягкой. Он даже не заметил, как провалился в пустоту. Звуки разгрома исчезли. Их заменил далекий переливчатый гул. Пустота несла мальчика в ту сторону, пока не окунула в воду. Он с облегчением подумал, что сейчас утонет, и уже не будет ни ужаса, ни пустоты.

Вода бережно подняла его и так же бережно опустила на отлогий бережок. Мальчик решил, что всё-таки умер. Но мокрая одежда липла к телу, ссадины на руках болели, а рядом катились белые, как молоко волны.

Его нашел махатма Мита, почувствовал его присутствие и послал людей на берег.

– У нас пополнение, – улыбнулся старик своим помощникам, когда они внесли мальчика в дом. – Сам пришёл. Надо же, столько лет никто не приходил сюда сам. Идите. Ему нужен покой. Я займусь им.

– Ты Бог? – спросил мальчик, едва двигая посиневшими губами.

– Нет. Я твой друг.

– Где мама?

– Спи. Сначала ты отдохнёшь, а потом уже будем разговаривать.

Лекс всё это помнил и не помнил одновременно. Образы застыли, как на старом выцветшем гобелене. Махатма Мита приложил тогда очень много сил, чтобы ребёнок хотя бы остался жив. Потрясение оказалось столь велико, что разум отказывался существовать. И тогда Матрeйя своим решением секвестрировал воспоминания. Они были... и их как бы не было. Первое время мальчик вообще ничего о себе не помнил. Только много позже вернулась память о том страшном, что случилось в его доме. Но душа уже выздоровела.

То, что у ребёнка осталась способность к свободному перемещению из одного измерения в другое, махатма Мита назвал чудом. Он же дал мальчику имя. Вернее, дал самому его выбрать. Так появился Манус Аспер Лекс.

– Ясновельможный пан Лекса, это Вы тут сидите, или мне блазнится?

– Присаживайтесь, пан Янек.

Удалый шляхтич бочком опустился на скамью. Какой там гонор, из пана сочилась доподлинная робость. Пристроил зад, поёрзал. Лексу стало смешно. А с другой стороны, прав Матрейя: не каждый день сюда попадаешь.

– Дозвольте спросить, ясновельможный пан Лекса, а вот если я в тумане сорвусь в речку, то убьюсь или как?

– Вы не сорвётесь. Никто не сорвётся. Такая тут река.

– А! Да, да... а друг ваш, пан Энке, тоже тут или его, ну... вроде того, завернули?

– Тут, куда ему деться.

– Значит, таки не чертяка, – задумчиво протянул пан Янек. – А паны наши злякались. Сидят у дому, на улицу не выходят. Привыкнут, как думаешь?

– Зачем им привыкать. Скоро домой пойдёте.

Хух! Обширная грудь Янека длинно выдохнула. Его как будто сдули. Плечи опали, но тут же и расправились, зад плотнее сел на лавку.

– Значит, домой. Домой... я тебе верю. А всё одно не ве-

рится. Так как же я дома представлюсь? Мне ж никто не поверит. Что в аду побывал, с ящерюгой выше мельницы махался, потом вроде в рай занесло... или не рай это?

– Опасно такие вещи рассказывать. Что за сумасшедшего примут – полдела. Басаврюк может на след напасть, и тогда уже никакой пощады не жди. Он, кстати, большой выдумщик по части истязаний. Любитель.

– От ить напасть! Я ж молчать буду, как пень, слово шляхтича. А хлопчики не сдюжат. Особенно Збышек. Обидел его Господь умом. Недодал маленько. Что делать-то, пан Лекса?

– Ничего, пан Янек. Махатма Мита ручкой махнёт, и никаких воспоминаний у вас не останется. Всё просто.

– Стой! Как же так? А как же... от бисово дело! Нет, я не согласен. Владеку и Збышеку оно в самый раз, а меня – ни. Я так не хочу!

– Ты чего разбушевался, пан Янек? Рассуди, так-то оно для всех лучше. Ведь если спросить твоих друзей, они тоже добровольно от памяти не откажутся. А как вас таких глупых выпустить отсюда? Да вас Басаврюк на первом перекрёстке остановит и всё выпытает. А как выпытает, в живых не оставит. Он кровь любит.

– Ты меня не знаешь, пан Лекса. Меня турки на кол сажали, меня татары огнём...

– Басаврюк один раз в глаза посмотрит, и ты ему всё выложишь. Способность у него такая.

– От, бис! Связались мы... а жалко-то как!

– Прости, пан Янек. Иначе придётся вам тут до скончания века в тумане бродить. Закон, знаешь ли.

– Гляди!

Внизу переливчато шумела река, впереди угадывалась площадка перед входом в храм. Туман плавал космами, прихотливо завиваясь. Из-за угла выплыло тёмное пятно, к которому как бы приклеилось невесомое серое пятнышко. Энке шёл сквозь мглу, раздвигая её могучими плечами. Махатма Мита семенил рядом. Они достигли соседней скамьи. Старичок присел. Энке устроился на земле у его ног и, хоть возвышался на целую голову, всё равно было видно, кто из них выше.

Голоса тонули в тумане. Лекс и не прислушивался, зная, что беседа Матрейи обращена исключительно к джинну. Старик говорил и улыбался. Энке слушал. Его лицо постепенно менялось.

– От что значит слово святого человека, – шёпотом, будто самому себе, проговорил пан Янек. – Чертыка и тот радуется.

Лекс на минуту отвлёкся, а когда посмотрел в сторону скамьи, махатмы Миты уже не было, необыкновенный, весь какой-то просвётленный Энке шёл к ним.

– Пойду я, – тихо сообщил пан Янек, – товарищей ободрю.

Энке глядел с высоты своего роста, будто с крыши и ухмылялся.

– Чему радуешься, сын пустыни? – спросил Лекс.

– Дедушка сказал, что дело моё вовсе не безнадежное.

Есть, говорит, средство от моего горя.

– Есть, наверное. Искать надо.

– Он сказал, что ты в пещеры уходишь. Там, дескать, на любой вопрос можно найти ответ.

– Ага, – Лекс блаженно улыбнулся.

Он так давно просился в пещеры, что уже забыл, сколько лет его стенаниям. Реквизитор Казимир всё откладывал вопрос в долгий ящик, мотивируя крайней необходимостью присутствия Лекса в других, менее благостных местах. Гонял, то есть, его по секторам, как Макар своих телят.

– Осталось твою лампу в надёжные руки пристроить...

– Дедуня сказал, никому меня передавать не надо. Он мне на время твоего отсутствия имну... имму...

– Иммунитет?

– Ага. Я суть понимаю, слово забыл. Я пять лет лампу могу при себе держать. Но дольше говорит, никак нельзя. Когда ты в пещеры уходишь?

– Сначала следует отдохнуть, потом тебя в какой-нибудь нейтральный сектор определить. Завтра панов отправим на историческую родину, ну и сами осмотримся, куда тебе лучше, чтобы очередному сильномогучему колдуну в лапы не попал.

– Обижаеть!

– Неа. Констатирую. Там торсионные поля должны иметь наименьшую амплитуду колебаний. Понимаешь?

– Нет, – честно признался Энке.

– Это такое место, где колдун максимум на что способен – спичку по столу силой мысли передвинуть. То есть, вроде как поле есть, а пользоваться им трудно.

– Согласен! – расплылся Энке. Подхватил Лекса, кинул себе на закорки и помчался по-над рекой в туман. Время от времени он свечкой уходил в невероятные прыжки, норовя подкинуть и на лету поймать свою ношу.

* * *

Резвану рассказали эту историю без больших купюр. Сам бывший палач сюда тоже не на ковре самолёте с завязанными глазами прилетел. Хаживал запретными тропками! Что человек за порогом собственного дома запросто может нарваться на чудовищ не то что не сомневался, знал наверняка, а то и встречать приходилось.

С Энке они познакомились задолго до того, как лампа попала к Лексу. Тогдашний хозяин джинна задолжал некую сумму одному советнику. Тот пожаловался визирю, и парня кинули в долговую яму. Все, что при нём осталось – старая медная лампа. Должник клялся и божился, что это последняя память о безвременно почившем отце. Ростовщик не польстился на медяшку, и разрешил, оставить её при себе. Дядя должника согласился заплатить, но советник к тому времени посчитал, что на долг набежали неплохие проценты.

Дядя ходил к визирю, визирь тянул время, справедливо

полагая, что и ему кое-что причитается. Сумма прирастала. Только дядя возьми да и помри. Что интересно, накануне столь внезапного события он побывал у племянника в тюрьме. Упрятанный в застенок сын старшей сестры клялся, что всё вернёт. Он, дескать, знает, где зарыто золото. Неизвестно, поверил дядя или нет. Важно другое, их разговор подслушали.

Не получивший своих денег советник, а также пролетевший во всех отношениях визирь страшно расстроились. Но весть о том, что парень знает место, где спрятан клад, возродила их надежды. Будучи наследником дяди, должник и без клада мог расплатиться. На это, однако, решили закрыть глаза. Парня укатали в дальний каземат. А заниматься выяснением обстоятельств послали Резвана Пехлевана.

Резван был человеком отнюдь не злым. Но закалённым. Сантименты не могли растопить его сердца. Служба складывалась удачно. Люди всё больше попадались душевные. Он иногда даже инструмент не успевал разложить, а ему уже всё рассказывали. Каково же было его удивление, когда он нашёл в камере не дрожащего сломленного хлюпика, а детину в плечах покруче себя самого. Курчавый полуодетый гигант сидел возле стенки на корточках. Резван раньше должника не видел. Подумал ещё: ну и контингент пошёл! У приличного дяди и такой племянник. Но чего только в жизни не бывает!

Инструменты не произвели на узника никакого впечатле-

ния. Когда под треножником запылал огонь и о край чаши стукнули клещи, странный должник только с любопытством покосился.

– Хорошо платят? – спросил он внезапно.

– Не жалуясь, – оторопел Резван. – Ты иди поближе. А то неудобно будет тебе пальцы ломать.

Гигант с места не сдвинулся, только руку протянул через всю камеру. Протянул он её не глядя, и аккуратно попал в огонь. Резван ошалело наблюдал, как пламя проходит сквозь живую плоть, только слегка меняя цвет. Но, повинувшись годами отработанному ритуалу, он вытянул-таки из раскалённой чаши клещи и приложил к руке заключённого. Ни тебе шипения, ни вони горелого мяса. По камере разлился запах грозы. Концы клещей расплавились.

Резван Пехлеван, младший палач шаха Кавуса, рухнул в обморок.

В себя его привела водичка. Дитина брызгал ему в лицо из миски. Огонь дотлевал в жаровне.

– Тебя что, послали узнать? – спросил заключённый.

– Где зарыто золото, указать можешь?

– Могу, – спокойно отвечал допрашиваемый. – Хочешь, на месте покажу. Хочешь, нарисую.

Извиваясь всем телом, Резван на спине дополз до стены и принял более или менее пристойную позу. Лежать распротёртым перед заключённым младший палач считал для себя неприличным. В камеру он спустился глубокой ночью.

Скоро наступит утро – время доклада. Визирь, посылая его на допрос, предупредил, что сам лично примет доклад. Шах утром занят государственными делами. И что расскажет Резван? И как отреагирует визирь? Правильно – засадит его в соседнюю камеру. Навечно. Сумасшедший палач, который слишком много знает, опаснее любого заговорщика.

Видимо, мысли настолько ясно пропечатались на лице Резвана, что невозможный узник их без труда прочёл. Он отошёл к другой стене, опустил на корточки и оттуда предложил:

– Давай договариваться.

– О чём? Это же измена. Меня...

– Я нарисую, где искать золото. А ты скажешь, что замучил меня насмерть. Трупы вы бросаете в ров собакам. Так и скажи: избавился, дескать, от падали. Идите – проверяйте.

Здоровенные псы, содержащиеся при тюрьме, питались исключительно подножным кормом. То есть продуктом деятельности палачей. В последнее время собачки не жировали, так что с телом одного узника справились бы на раз-два.

Но оно же было невозможно! Оно же было государственным преступлением! Никогда прежде простому, как плеть, Резвану узник не предлагал совершить измену. А с другой стороны, ни об одного узника пока не плавилась пыточные клещи.

– Думай быстрее, – предупредил узник. – Скоро рассвет.

– Где гарантия, что ты мне нарисуешь правильный план? –

наконец решился Резван.

– Слово джинна, – просто ответил Энке.

Собственно, это всё и решило. Юный палач тогда впервые в жизни свернул на кривой путь. Да так с него после и не сходил. Иначе как бы он оказался в ином секторе через много лет после тех событий?

Энке нарисовал ему настоящую карту. Визирь с советником выкопали клад, но были на месте схвачены шахской стражей. Умный сановник недоучёл, что когда-нибудь палач всё же попадет на доклад к самому шаху.

Брат занял место советника дивана. Резван стал старшим палачом. В его уши потекли уже настоящие секреты. Откуда бы он узнал о переходах, откуда бы научился продлевать свою жизнь? Далеко не всем хитрый палач делился с шахом. В результате: Кавус скончался от возраста, а Резван в расцвете сил тихо смылся, прихватив изрядную казну, накопленную за время службы.

– Да-а-а, – задумчиво протянул бывший палач. – Прости, Манус Аспер, согласен, ты достойный хозяин этого достойнейшего из джиннов. Закрыватель, значит. А ты всё ходы забираешь? То есть, я хотел спросить, что теперь доброму человеку и через границу перейти нельзя?

– Нет, Резван, – рассмеялся Лекс. – Ходи, где хочешь, вернее – где можешь. Но, если увидишь письма на камне, лучше обойди это место десятой дорогой. Неизвестно, что спуг-

нёшь на свою голову, если сунешься.

– А не ты ли, уважаемый Аспер Манус, пять лет назад в горах с воинами Илая по пещерам лазил?

Лекс насторожился. Но Резван тут же его успокоил.

– Горцы как-то мимо проезжали. Оттуда слух.

Логово Резвана находилось далеко за границами королевства Синего орла, да ещё и на противоположной стороне от селения горцев, что позволяло усомниться в его словах. Но Энке на вопросительный взгляд Лекса только кивнул – дескать, не врёт. Древнему знатоку человеческой природы можно было доверять, когда дело касалось правды и лжи.

– Раз уж у нас такой разговор... скажу тебе, Манус Аспер, мы с Илаем заключили договор: он следит за своим проходом. Я сторожу здешнюю тропу.

– Судя по тому, в каком она состоянии, народу тут немного проезжает.

– Отвадили, – скромно потупился Резван.

Без всяких объяснений стало понятно, что тропа сохраняется от посторонних, чтобы самим пользоваться невозбранно. А что Резван давно по ней не ходил, так нужда не приспела.

– Илай жив? – безразлично поинтересовался Лекс.

Следовало соблюдать осторожность. Беседа плавно свернула на вопросы, которые его весьма и весьма интересовали. Резван, однако, учитывая его прошлое, тоже легко ориентировался в оттенках смыслов.

– Тебя что интересует? – прямо спросил бывший палач.

– Как у него дела? Как соседи? Не беспокоят ли? Что с переходом?

Дела у горцев оказались – хоть куда. Племя процветало. Женщины шептались, что вот-вот в селение пожалует долгожданный золотой як. Мужчины охотились, разводили лошадей и торговали с королевством. Дети рождались теперь часто. Угроза вымирания отступила.

– Король Гуго взял их под крыло своего орла. Дань они не платят, только налог на торговлю.

– Гуго король?!

– У, да ты самого интересного не знаешь, – воодушевился Резван. – Бывшая королева зарезала своего мужа. Ещё она зарезала кого-то, не помню. Саму её убила любовница мужа. Гуго их всех похоронил и сразу женился. Говорят, его жена похожа на бывшую королеву, как родная сестра.

– И наследники есть? – осторожно поинтересовался Лекс.

События, изложенные Резваном, не вполне укладывались в реалии, свидетелем которых он был.

– Нет.

– А королевский маг? Он так и сидит в башне?

– Говорят, раньше был какой-то. Да вроде он оказался шарлатаном.

– А единороги?

– Этих забрали. Дядя покойной королевы. Он и увёз тотем обратно. Они вместе с Гуго приезжали в горы...

Энке охнул так громко, что Резван сбился, посмотрел на джинна, потом на Лекса, прикидывая что-то.

– Единороги!? Вон что! Да ты не прыгай, старый шайтан. Резван тебе, может, всем в этой жизни обязан. Не встретились бы мы тогда в подземелье, я бы до гробовой доски клещи раскладывал. Ты мне, можно сказать, горизонты раскрыл.

Лекс опять глянул на Энке. Тот только пожал плечами. Жизнь вдали от шахского двора могла, конечно, изменить бывшего палача, сделав из него благородного героя. Только это была бы уже совсем другая сказка. В смысле: такое могло произойти только по большой и чистой фантазии.

Резван ещё что-то говорил. Но Лекс и Энке уже глухо замолчали, дожидаясь окончания ужина. Иметь дело с бывшим царедворцем вдвойне трудно. Даже если он, по сути, неплохой человек, выучка своё возьмет.

Резван не сразу, но заметил напряжение и замолчал на полуслове.

– Эх! – хлопнул он ладонью по столу. – Хотел я с вас свой интерес поиметь, да, видимо, не тягаться мне с парой, где правит ангел, а едет чёрт.

– Какой интерес? Поясни, уважаемый Резван, – церемонно осведомился Энке.

– Не всех животных увезли на родину. Одна стельная самка осталась. Её раньше ещё подранили. Она болела. Другое дело, что её кто-то у горцев увёл.

– Ну, – поторопил старого знакомого Энке, – тебе-то что?

Лекс не сомневался, Резван делится секретами не только в знак старой дружбы и совсем не по доброте душевной. Скорее, сообразил, что они всё равно узнают правду. Зачем умножать число недругов, тем более таких, как они – особенных!

– Что? Пусть бы рогатые кони жили у меня в лесу, – мечтательно заключил бывший палач.

Эк куда хватил! Решил, значит, на чужом горбу в Эдем въехать.

– Единороги сами выбирают, где пастись. Только хозяйка может ими распоряжаться, – поставил точку в разговоре Лекс.

Спать разошлись далеко за полночь. О единорогах больше не говорили. Резван, не исключено, жалел о своей откровенности. С него станется, пустить в след Лексу и Энке своих «ребятков». Отыщется единорог, а там видно будет.

Глава 2

Гнедой рыл копытом и мотал головой, норовя угодить в лицо. Ещё он поддавал крупом и щерил зубы. Ладно, был бы необъезженный, так нет – норов показывал.

Гуго надоело возиться со строптивой скотиной. Коня он купил недавно. Животное прекрасных статей отличалось идеальной чёрной мастью с синеватым отливом. На ярмарку, которая теперь проводилась четыре раза в год, привезли

несколько хороших жеребцов. Королевские конюшни давно нуждались в свежей крови.

Польстился, называется. Жеребец оказался неврастеником. Мало того, что в любой момент мог заартачиться, ещё и грыз перекладину в воротах денника. Одну, полностью изгрызенную, уже пришлось заменить.

На очередной взбрык Гуго поддал коню каблуками, осадил и спрыгнул, стараясь не подставляться.

– Уводи. Иви смотрел коня?

Грум ловко перехватил повод.

– Смотрел, Ваше Величество. Говорит, либо порченый, либо сильно заняженный. Привыкнет, одумается.

– Что насчёт потомства?

– Иви говорит, хорошо бы его отогнать на всё лето в табуны.

– Отправляй.

– Не жалко, Ваше Величество?

– Толку от него!

– Прошу, простить! Прошу, простить!

К ним бежал распорядитель конюшен, пылая лихорадочным румянцем на скулах. Его жилистое тело болталось внутри широкого камзола, как карандаш в стакане.

– Всё сено в королевстве сгорело? – усмехнулся король.

– Нет, как можно! Ваше величество, господин мэр пожаловали, интересовались, где Вас найти. В очень сильном волнении прибывают.

Конюшенный начальник весьма трепетно относился ко всему, что составляло его службу. Собственно, других Гуго и не держал. Пусть туповат, но кони при нём стали сыты и веселы. Грумы, впрочем, тоже.

– Где он?

– Господин Катан в канцелярии дожидаются.

Король пошёл на край поля к приземистому зданию с двумя рядами трибун по краям. По праздникам тут устраивали скачки. Катан мог бы и на поле пройти, да его задержал трепетный распорядитель, убедив не беспокоить короля.

Небо выгнулось нежно-голубой чашей. Облака скользили, отсвечивая плоскими донцами. Солнце стояло в зените, но без изнурительной жары. Ночью прошёл дождь – из тех холодных отвесных ливней, что прибивают травы к земле и надолго переполняют лесные ручьи. Такой дождь в середине лета – великое благо.

Следовало отправить инспекцию по сельским угодьям. Королевству требовалось всё больше и больше провизии. Ярмарки стали регулярными. Соседи охотно покупали зерно. С открытием границ торговля стала постоянной. Не получилось бы так, что запасы распродадут на сторону, а сами зимой останутся ни с чем. Катан предлагал построить в пригороде что-то вроде большого зернохранилища. Имея запас, легче станет регулировать цены.

Мысли приходили простые и нужные. Гуго расстегнул куртку и рубашку. Ветерок охватил разгорячённую грудь.

Немного было минут, когда он себя чувствовал, как сейчас – свободным и одновременно занятым до последней минутки. Он делал дело.

Люди много лет оставались предоставленными сами себе. Нищета дошла до той степени, когда соседская корова казалась несметным сокровищем. За кусок хлеба ещё не убивали, но уже были к этому готовы. Тогда, в самом начале, в первую очередь, следовало накормить, во вторую – обуздать. Последнее давалось труднее первого. Сокровищница оказалась почти пуста, но деньги Гуго нашёл. Он объявил свободу ремесел и торговли. Смехотворные налоги, которые оскорбили министра финансов, обернулись каким-никаким потоком в казну. Министра пришлось поменять.

Двор клокотал. Аристократы трудно забывали вольность на грани с анархией. Но гнулись. А как иначе? Орёл распротёр лазоревые крыла над королевством! Кто оказался недостаточно гибок, поехал поднимать хозяйство в свои запущенные замки. Кто остался – попривыкли. Пять лет не маленький срок.

Пять лет! Гуго помнил тот день по минутам от мгновения, когда пришёл в себя и увидел рядом Тейт.

Всё плыло и мутилось, её лицо волновалось, как отражение в воде. Гуго не знал, жив или уже умер. Сутки в подземелье и знакомство с придворным палачом привели его на край, за которым начиналось ничто.

У Тейт в глазах плескались слёзы, но не было и следа от-

чаяния. Она сделала всё, чтобы Гуго совершил то, что он совершил. Но когда Синий орёл устроился на руке, девушка исчезла. Почему? Заблудилась? Отчего тогда не позвала его?

Гуго битый час искал её по лабиринтам. Сам запутался, вышел на поверхность и направился в парадный зал. Его в любой момент могли опять схватить. Сутки назад его подкараулили у входа в казарму. Сзади на голову накинули мешок, на шею – верёвку. Его тащили вдвоем. В подземелье мешок с головы сдёрнули, но свои лица-таки не открыли. Один из них походил на Дамьена. Да и в углу кабинета, где нашли короля и шута мёртвыми, валялся колпак палача. А подручный так и пропал.

Явление Гуго с орлом на руке вогнало двор в ступор. Дамы разбегались, кавалеры, впрочем – тоже. Гвардией никто не командовал. Реар ждал, что на него вот-вот кинутся. Двери парадного зала стояли настежь. На подиуме лежало тело, прикрытое до груди траурным покрывалом. Вместо лица – чёрный ком. Прекрасные волосы королевы потускнели.

Орёл на руке заклекотал – это один из приспешников Дамьена кинулся наперерез Реару со шпагой. Но не добежал. Его порыв как бы разбился о невидимую стену. Ещё один вытащил оружие из ножен, но так и стоял с ним, не пытаясь пустить в ход. Придворные отхлынули к стенам. Ни короля, ни Дамьена видно не было. Тейт говорила, что Алекс должен отречься. Но для начала его следовало хотя бы найти.

Трон находился в другом конце парадного зала. Рядом

стоял небольшой вычурный постамент на высоких ножках. Гуго помнил, как маленьким прибежал посмотреть на Синего орла. Того выносили в торжественные дни и сажали на специальную подставку.

До трона оставалось десять шагов, когда величественная птица легко снялась с руки и спланировала на своё место. Ветром от взмаха крыльев придворных придавило к стенам. Только сейчас Гуго по-настоящему поверил словам Тейт. Он – король. Они будут повиноваться. Право принадлежит ему. Таков закон!

Происходящее было самой явной явью и как будто немного сном. Последние шаги отчего-то дались большим трудом, будто с каждым на плечи наваливался новый груз. Только оказавшись на троне, Гуго понял – это груз власти.

Трон – вожделенное место удовлетворения всех прихотей? Или место непрерывной изматывающей работы? Власть – право сделать собственное безобразие законом, или ответственность? В первую очередь – за других.

Люди постепенно приходили в себя. Церемониймейстер подбежал и тонким от натуги голосом потребовал объяснений. Гуго поднёс к носу недоумка сжатый кулак медленно и спокойно, до конца сам не понимая, зачем это делает. И тогда случилось то, что после случалось тысячи раз. Церемониймейстер рухнул на колени и поцеловал руку нового короля.

Будто дуновение прошло по залу. От толпы начали по од-

ному отделяться люди и подходить к трону. Ритуал творился сам собой. Гуго держал стиснутый кулак, они шли, падали, ползли и целовали, целовали, целовали. Гвардейцы королевской роты встали в шеренгу за тронном.

Алекса и Дамьена нашли в кабинете. Окровавленный стилет принадлежал шуту. Но самого Дамьена узнали не сразу. Его лицо стало фиолетово-чёрным и раздулось. Из рта торчал толстый синий язык. Шут будто дразнил всех напоследок.

Церемония отречения, таким образом, оказалась не нужна. Гуго приказал гвардии разогнать придворным по их покоям. Суэта и шум схлынули. Злые, недоумённые, растерянные лица, среди которых, пожалуй, не было только равнодушных, исчезли. Гуго отправил солдат искать Тейт.

Девушку нашли в парке. Она лежала без чувств, а когда пришла в себя, никого не узнавала.

– Почему ты от меня сбежала?

– Я ничего не помню.

– Вообще ничего?

– Ко мне подошла королева и уколола спицей, – растерянно прошептала Тейт.

– Она мертва. Её тело лежит в зале церемоний.

– Значит, это была не королева?

Глаза цвета гречишного меда смотрели непонимающе. Хлопали длинные ресницы. Гуго раньше не замечал, какие они чёрные и густые. Тейт стала ещё прекраснее. Король

взял её на руки и отнес в спальню. Гвардейцам было приказано привести фрейлин.

– Если с её головы упадет хоть волосок, вы пожалеете, что родились, – прорычал новый повелитель.

Девушка беспомощно распростёрлась на огромной кровати.

– Это магия, – вдруг прошептала она. – Кто-то принял облик королевы. Он должно быть ещё во дворце. Я боюсь.

Гуго оставил у спальни Тейт охрану и приказал фрейлинам не спускать с неё глаз. На следующий день он устроил церемонию прощания с бывшей королевой. Тейт немного пришла в себя. Она сидела на малом троне и время от времени поглядывала на толпу сквозь стекло в старой брошке. Неужели рассчитывала найти злоумышленника таким способом?

Последующие недели были заняты похоронами и наведением хоть какого-то порядка. Память не возвращалась к Тейт, но Гуго было всё равно. Он так любил эту женщину, что готов был принять её любой: больной, грязной, безумной. Даже то, что она стала совершенно другой в минуты близости, его не смущало. Немного задевали разве постоянные напоминания, что она всё ещё невеста. Тейт не требовала, но настойчиво напоминала, что король обязан повести, наконец, свою возлюбленную к венцу.

День сочетания был назначен. Обряд собирались провести во дворце в главном зале. Придворные шептались по углам, что всё делается в нарушение обычаев. Гуго не слушал.

Он уже скрутил всех своей волей – Тейт станет его женой! Подставку для орла отнесли в угол. Рядом с тронном установили высокий стол, на который поставили два кубка. В них перед началом обряда нальют земляничное вино. Так сочетались все предки Гуго.

До свадьбы оставалось три дня, когда Тейт, выходя на террасу, подвернула ногу. Хруст услышали все. Невеста короля с криком рухнула на пол.

– Она мне мстит! – выкрикнула девушка, как только король вошёл к ней в спальню.

Она сидела среди подушек. Нога покоилась в лубке. Фрейлин вынесло в вестибюль.

– Кто? – удивился Гуго.

– Покойная королева.

– Ты ошибаешься. Она была очень доброй женщиной. Она...

– Мстит, за то, что я заняла ее место!

От ненависти у девушки побелела верхняя губа. Нос заострился. Слова выходили с шипением.

– Ты опять её видела?

– Нет, – быстро успокоилась Тейт. – Но боюсь, она и мёртвая не оставит меня в покое.

– Послушай, – Гуго затронул тему, которая его интересовала с самого начала, – а ты уверена, что мы похоронили именно королеву?

– Я не понимаю, – невеста дёрнулась всем телом и тут же

скривилась от боли.

– Я не уверен, что в королевской усыпальнице покоится тело жены Алекса. Не могу сказать, откуда это чувство, но оно есть. Ты – её молочная сестра – не могла ошибиться?

– Я... кто? Ах, да! Нет! Нет, не могла. Её платье, её волосы...

– Отдыхай. Надеюсь, ты скоро поправишься.

– Ты придёшь сегодня ночью?

Пожалуй, прежняя Тейт не была столь напористой. Гуго отнёс изменения в характере девушки за счёт пережитых испытаний. Всё со временем встанет на свои места. Тейт успокоится. Она станет женой и матерью. Они проживут сто лет и будут счастливы.

Когда девушка встала на ноги и смогла ходить без помощи костыля, назначили новую дату свадьбы. Двор уже достаточно успокоился, правда, немного поредев. Время пиров и увеселений уходило. Сладкая жизнь придворного, главной обязанностью которого почиталась всегдашняя готовность к охотам, танцам и интригам, кончилась весьма прозаично. Солдафон Гуго заставил дворян служить. Кто не желал или не умел, отправлялись прозябать в собственные имения. Ждать милости от примитивного, грубого, властного, вечно мрачного, и мрачнейшего с каждым днём больше и больше короля не приходилось. Adios!

– Ваше величество, – церемониймейстер держал на вытя-

нутых руках парадную шпагу монарха.

Гуго её терпеть не мог. Он уже как-то приказывал вернуть игрушку сверх всякой меры усыпанную блестящими камешками в сокровищницу. Но то ли его не поняли, то ли решили, что король одумается. Распорядитель дворцовых церемоний опять её принес.

Королевскую спальню давно освободили от всего лишнего. Остались только кровать, кресло и бюро. Ветер раздувал тонкие зелёные занавески на окнах. Одну створку – от пола до потолка – распахнули настежь.

Король пребывал в кресле совершенно не готовый к церемонии бракосочетания. Главному дворцовому распорядителю было приказано всё организовать и подготовить. Но причиной задержки нынче стал жених.

Зеленоватое крыло шторы взмахнуло ещё раз, задев Гуго по лицу. Он будто очнулся. Церемониймейстер так и стоял со шпагой в руках. И как будто слегка кривлялся. Гуго прищурил глаза. Почтенный царедворец всё время менял очертания. Король закрыл глаза, помассировал веки, открыл. Получилось ещё хуже. Вся спальня начала истаивать волнами, будто знойный полдень. А спине, наоборот, становилось всё холоднее.

– Пусть прикроют окно, – попросил король. – И опусти ты шпагу.

Следовало встать. Гуго опёрся о подлокотники, но подняться не смог. К внутреннему холоду присоединилась чу-

довишная слабость. Противно задрожали колени. По спине под рубашкой побежали холодные ручейки.

Он в этот момент не думал о том, что старый придворный может вульгарно ткнуть обессилевшего тирана в грудь шпагой. Он не вспомнил, что осталось много недоделанных первостепенной важности дел. Он только страшно сожалел, что не сможет выпить с Тейт брачный напиток. Даже мысль, что его отравили, не принесла такого разочарования. Свадьба вновь откладывалась!

Спешно прибежавший доктор констатировал лихорадку. Гвардейцы на всякий случай окружили спальню короля двойным кольцом, и стояли так, пока на следующий день Гуго не проснулся совершенно здоровым. Но время бракосочетания оказалось упущено. Луна ушла в следующую фазу, звёзды переместились. Брачный ритуал теперь можно было провести не раньше следующего месяца.

Невеста неистовствовала и винила во всём мёртвую королеву. Гуго, который всю жизнь плевал на суеверия, имел другое мнение. Тот, кто вмешался в память Тейт и сделал так, чтобы она всё забыла, возможно, до сих пор прячется во дворце. Король не забыл про Скалениуса. Он не видел паука со времён своей службы в гарнизоне. Тот, скорее всего, сбежал, когда закатилась звезда Алекса. Но кто знает! Кто знает!

– Я кое-что придумал, – прошептал король на ухо невесте. Они лежали в его огромной кровати. Девушка оказалась

горазда на выдумки. Иногда они даже утомляли. Король помнил их первую ночь на сеновале в горном селении. Он помнил, как разверзлись небеса и далёкие светила засияли острыми гранями восторга. Вторая ночь под грохот бури, когда в кромешной темноте и холоде они согревали друг друга, тоже запомнилась до последней секунды. Но, наверное, такое не повторяется.

Однажды Гуго представилось, что его чувство к этой женщине похоже на горсть воды. Надо очень крепко сжимать ладони, чтобы ни капельки не потерять. Или всё уйдет. Он редко размышлял на такие темы. Мысль о пустых ладонях его неприятно зацепила.

– М-м-м... какое?

Девушка водила по его животу пёрышком, кончик которого украшала золотая игла. Мышцы непроизвольно сокращались. Игла заставляла быть всё время начеку.

– Если ты боишься происков, мы устроим тайный обряд. Никто не будет знать времени и места. Напиток я приготовлю сам. Какая разница, где мы его выпьем, в парадном зале или где-нибудь ещё.

– Без участия орла нельзя обойтись? – деловито поинтересовалась невеста, выбросив перышко.

– Он освящает брак. Орёл будет обязательно.

Всю следующую неделю король провел в разъездах по стране. Обратный путь лежал через Пьятту. Катан встретил королевский кортеж со всеми возможными для мизерного

городка почестями.

– Почему не было пушечного выстрела, – смеялся Гуго за ужином.

– Виноват, Ваше Величество, – покаянно опустил глаза старый браконьер. – Вы же знаете, у нас нет ни одной пушки.

– А надо? В смысле: пушка тебе нужна?

– Теперь, пожалуй, нет. Ты собираешься в горы?

– Весной – обязательно. Сейчас там лежит снег. Не проехать.

– Гуго, что будет с предгорными парками? Не хочешь устроить там заповедник? Я бы пошёл в смотрители... – мечтательно завёл глазки Катан.

– Я тебе хочу предложить другую должность. Тоже присматривать.

– За чем?

– За столицей. Мэр от одного моего вида начинает трястись, как дворняга на помойке. Он не может ответить ни на один вопрос. Он «честно признался», что не знает, куда девались деньги, отпущенные на нужды города. Стоит в мокрых от страха портках и всё равно врёт.

– Такого не переделаешь. Это характер!

– Да я и не собираюсь. Пойдёшь в мэры? Житана, как тебе такое предложение?

– Я – как Катан. Мне с ним везде хорошо.

– Зато мне не везде! – огрызнулся на неё муж. – В Пьятте две улицы, пять домов и три пустыря. Тут я чувствую себя

человеком. Меня все знают, и я знаю всё, что происходит в городе. Я знаю даже, что происходит у них под одеялами!

– Ну, это все знают, – заметил Гуго.

– В Пьятте – да! А в столице? Там под одеялом, может, ножи точат, может, ворованные деньги считают, а, может, соседскую курицу едят.

– Катан, – душевно начал Гуго, – я бы не пристаивал к тебе с такой пустяковиной, да вот беда – больше некому довериться.

– А как на это посмотрит двор и первый министр?

– Как прикажу, так и посмотрят. У меня есть ещё одно предложение: ты, кроме управления столицей, возьмёшь на себя тайную стражу. Будешь отслеживать ножи и ворованных куриц. Без надёжных ушей ты никогда не узнаешь, чем они промышляют. Вот я тебе и дам такую возможность. Справишься? Или мне искать кого-нибудь другого?

Тут король применил запрещённый прием. Нельзя было Катану намекать, что он чего-то не сможет. Слегка уже выпивший бывший браконьер взвился, смахнув по пути со стола тарелку.

Гуго дал Катану год для завершения своих дел в Пьятте и отбыл.

Во дворце за время его отсутствия произошел ряд мелких событий и одно странное: невеста короля переехала из правого крыла дворца в покои бывшей любовницы Алекса Анаис Насты. Куда подевалась их владелица, никто не знал.

На вопрос, чем вызван переезд, девушка сослалась на всё тот же страх перед мёртвой королевой. Гуго стали надоедать её причуды. А с другой стороны, что такого? Переехала и переехала. Дворец большой – места много. Пусть развлекается, как хочет!

О будущем бракосочетании знали только они двое. Гуго назначил день. Девушка закружилась от счастья, прыгнула ему на шею, начала целовать.

Ночь первого дня весны выдалась тёмной и ненастной. Гуго встретился с Тейт в тёмном переходе неподалёку от своей спальни. Король, как это ни странно, волновался. Дважды обряд отменяли. В третий раз он просто обязан был пройти, как положено!

Рука об руку король и его невеста вошли в помещение, где содержался Синий орёл. Там всегда горела свеча. За неимением обрядового стола, Гуго поставил кубок на подиум, в центре которого крепилась сложная конструкция из жердей и веток. Птица тихо переступала лапами над головой жениха и невесты. Гуго достал из-под плаща кувшин с вином, разбавленным земляничным настоем и осторожно наполнил ритуальный кубок. Тейт стояла в стороне. Она, наверное, хотела другой свадьбы: немудрено для юной девушки!

– Мы сейчас возьмёмся за руки и подойдем к кубку. Я скажу положенную фразу и первым выпью вино. Ты выпьешь следом за мной.

Глаза девушки лихорадочно блестели. Она непрерывно

облизывала пересохшие губы. Гуго взял невесту за руку и сделал шаг к подиуму.

Всю ночь шёл дождь. Но только ближе к рассвету он разразился грозой. Шаг короля совпал с молнией за окном. Раскат грома сотряс дворец до основания. Грохот сорвал орла с места. Птица расправила крылья, задела кубок, и... тот перевернулся! Драгоценный настой выплеснулся на пол.

Гуго застонал сквозь зубы. Тейт охнула, а затем невнятно бормотнула. В её скороговорке королю послышалось непристойное ругательство. Гуго обернулся. Лицо девушки застыло. Её трясло. По щекам катились слёзы.

Рок, судьба, случай! Гром и молния! Сто демонов вам в уши!

Гуго захотелось свернуть своему тотему шею.

Две недели невеста короля не покидала свои покои. Гуго пытался с ней говорить. Девушка не отвечала. Стоять перед закрытой дверью ему вскоре надоело.

Он был занят. Государственные дела требовали постоянного неотлучного внимания. На сердце лежал камень. Гуго сам не понимал, чего тут больше: преследующих их с Тейт неприятностей или усталости.

– Донесение для Его Величества!

В кабинет вошёл гвардеец. Король недавно приказал сменить им форму. Узкую куртку и короткие пышные кюлоты

с прорезями, под которые по старинному обычаю натягивали полосатые чулки, заменили чёрные штаны и такой же коллет. Короткий красный плащ не стеснял движений. Гвардейцам форма нравилась. Тем более, теперь не надо было шить её на собственные деньги. Гвардия щеголяла в новых мундирах, вызывая заинтересованные взгляды женщин, которые раньше на полуоборванцев в смехотворных нарядах образца позапрошлого века не обращали внимания. Дворяне стали с большей охотой записываться в офицеры. Жалование гвардии король увеличил в первую очередь. Казначей крикнул, позвенел остатками серебра на дне кубышки, но деньги выдал.

Зато Гуго был теперь спокоен за свою спину. Хоть гвардейцы и перешли на его сторону первыми, следовало подкрепить верность золотом.

– Голубиная почта, Ваше величество.

– Давай.

В записке сообщалось, что посол короля Ольрика пересёк границу королевства Синего орла и направляется в столицу. Честь представлять страну Белого единорога имеет бар Долмаций Ломквист.

Уже которую неделю стояла прекрасная погода. Солнце обласкало землю. На полях появились первые всходы. Бурно таявший в горах снег так переполнил реки, что они вышли из берегов.

Бар Долмаций Ломквист застрял со всем посольством у

сорванного паводком моста. Сообщение об этом досадном событии и принесла голубиная почта. Король счёл для себя возможным плюнуть на этикет и выехать навстречу старому другу.

Когда-то Долмация изгнали из страны. Только ум, воля и толика удачи позволили ему не затеряться на чужбине. Бар Долмаций породнился с домом Белого единорога. Его дочь стала маркграфиней.

Король с небольшим отрядом отправился встречать посольство. Трава ещё не поднялась. На облезлой шкуре земли убого горбились хижины с чёрными соломенными крышами. От вида отощавших за зиму коров слёзы наворачивались. Гуго по ходу отдавал приказы своим людям, так что вскоре от отряда осталось пять человек.

В нижнем течении река Сю всегда оставалась полноводной, в верховьях же по жаркому летнему времени превращалась в невнятный ручей. Только весной тут было вдоволь воды. В этом году настолько вдоволь, что она унесла с собой мост. Серые буруны стремительно катились вниз. Навесить временную переправу было возможно. Только как по ней пройдёт посольство? Человека можно было перетянуть с берега на берег только в специальной плетёной люльке. Бар Долмаций, однако, пребывал уже не в том возрасте, чтобы заниматься подобной гимнастикой.

По берегам стремительного потока остались мостовые опоры. Один из гвардейцев прицепил к стреле прочную ве-

рѳвку и отправил её на ту сторону. Там сразу сообразили, закрепили канат и уже с его помощью начали строить перетягу.

Гуго оставил людей, предупредив, чтобы разбили лагерь, а сам переправился по верѳвке. Руки помнили всё. Тело повиновалось легко и свободно. Сила никуда не ушла. Даже опасность не кружила голову. Гуго знал: если свалится – выплывет. И не в такие передряги попадал.

Двое гвардейцев последовали за королѳм. Один оказался проворен, как ласка, другой чуть не сорвался, но тоже благополучно достиг берега, где король, бывший когда-то их командиром, бывший когда-то героем и победителем чудовища, бывший некогда пьяницей и дебоширом, обнимался с опальным аристократом.

Они не виделись очень давно и не чаяли, наверное, увидеться в этой жизни. Разве что судьба наѳмника занесла бы Гуго в северные края. Широкий, как плутея, бар Долмаций был на полголовы ниже Гуго. Король рядом с ним выглядел долговязым юнцом.

– Пойдем в шатѳр. Мы тут основательно расположились. На моей памяти это мост срывало раза два. Хорошо, если новый через месяц поставят. А ты молодец, сноровка осталась. Гуго, я так рад! Я так рад, ты не представляешь.

На глазах старика блестели слѳзы. Когда он спешно покидал страну, ни одна слезинка не скатилась. Теперь же плакал и не стыдился.

Король отправил гвардейцев по ближайшим замкам и го-

родкам за провизией. Посольство успело оголодать в дороге. От самой границы хлеб и другие продукты страшно подорожали. Но и за большие деньги покупать оказалось почти нечего.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.